

АБСОЛЮТНОЕ
ОРУЖИЕ

ВАСИЛИЙ ГОЛОВАЧЁВ

ОТСТРЕЛ НЕГОДЯЕВ

Абсолютное оружие

Василий Головачев

Отстрел негодяев

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Головачев В. В.

Отстрел негодяев / В. В. Головачев — «Эксмо»,
2018 — (Абсолютное оружие)

ISBN 978-5-04-090741-0

Майору Росгвардии Вениамину Барсову поручают создать секретное подразделение, напрямую подчиненное президенту и готовое выполнить его любой приказ. Задача – ликвидация коррумпированных чиновников самого высокого ранга, против которых бессилён закон и чья деятельность ведёт страну к катастрофе. Продолжатели дела «Стопкрима» уверены, что рискуют во благо будущего, и даже не догадываются, что их используют вслепую. Что вся эта операция – только прикрытие заговора теневого мирового правительства, нацеленного на ликвидацию глав сразу трех крупнейших мировых держав и глобального изменения миропорядка. И все бы так и случилось, если бы не пресловутая русская непредсказуемость, смелость взять на себя ответственность и способность найти выход из казалось бы безвыходной ситуации.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-090741-0

© Головачев В. В., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Композиция 1	6
Композиция 2	11
Композиция 3	15
Композиция 4	30
Композиция 5	41
Композиция 6	51
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Василий Васильевич Головачёв

Отстрел негодяев

© Головачёв В.В., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

*Друзья, тревожиться сейчас стоит,
Республика опять в кольце волчьем.*

К. Симонов. «Новогодний тост»

*И ещё он сказал: если ты не можешь убедить своего
противника с помощью доводов, тебе следует познакомить его голову
с тротуаром.*

Ли Чайлд. «Джек Ричер»

Композиция 1

Президенты

Россия, Кремль

Бело-голубой «Боинг»-747 с надписью на борту «United States of America» сел в аэропорту Внуково третьего мая в двенадцать часов дня.

Погода в столице России стояла великолепная, на небе не было видно ни одного облачка, солнце ласкало аэропорт по-весеннему радостно, температура держалась в районе двадцати градусов по Цельсию, и настроение у ожидавших американскую делегацию было прекрасным.

Встречали самолёт, отмеченный номером SAM 30000, не только высокопоставленные чиновники МИД России, правительства и Государственной думы, но и лично президент Кондратов Юрий Филиппович, поскольку в Москву прибыл новый президент США Донован Бейкер.

Лайнер остановился перед терминалом на спецстоянке, у главного выхода к красной ковровой дорожке.

Стыковка с парадным трапом прошла с безукоризненной слаженностью, всего за одну минуту. Открылся люк. Выглянул и отступил внутрь самолёта молодой человек в чёрном костюме, при галстуке. За ним на лестницу вышла стюардесса, и только после неё появился президент – широкоплечий здоровяк в синем костюме, улыбающийся, загорелый, сероглазый, с проседью в роскошной чёрной шевелюре. Он поднял руку, помахал встречающим, которых набралось не меньше двух десятков человек, подал руку молодой красивой супруге с длинными, по пояс, волосами, стянутыми сзади в «лисий хвост», и они сошли на красную дорожку.

Грянул военный оркестр.

Президенты обменялись протокольными рукопожатиями.

Кондратов был моложе Бейкера на восемь лет, но издали они казались одного возраста и походили друг на друга спортивными фигурами, ростом, сединой и улыбками. Только цвет глаз был разный: у президента России глаза были карие, да и челюсть поменьше, и нос потоньше.

Заговорив о чём-то, они двинулись по ковру мимо роты почётного караула к машинам.

Толпа фотокорреспондентов взорвалась вспышками фотокамер.

Обычно все президенты США пользовались своими лимузинами после прибытия в другие страны. Был такой и у Бейкера – восьмитонный «Мегакадиллак» «The Beast»¹ на базе пикапа GMC TopKick. Его двадцатисантиметровая броня и стёкла толщиной в двенадцать с половиной сантиметров, по уверениям разработчиков, могли выдержать выстрел из гранатомёта и даже из танковой пушки, а для перевозки требовался транспортный самолёт С-17. Однако Бейкер на сей раз не стал брать свой лимузин, проявив неслыханное для политиков всего мира доверие к российским спецслужбам, и сел в новенький лимузин проекта «Кортеж», которым пользовался и Кондратов.

Эта машина стала легендой ещё до поступления в гараж Администрации президента. Испытания лимузина длились почти два года и показали его высочайшую эффективность в деле обеспечения безопасности возимых ВВП-деятелей и беспрецедентную оснащённость

¹ Зверь (англ.).

всеми современными защищёнными видами связи. Бронекапсула «Кортежа» могла выдерживать даже взрыв ракеты «воздух – земля», а весил он при этом на полторы тонны меньше американского суперкара.

Пока шли к машинам, Бейкер успел рассказать Юрию Филипповичу забавный случай из жизни своей собаки и даже посетовал на то, что, если бы не этикет, он поехал бы с главой российского государства в одной машине. Кондратов ответил шуткой: зато я не буду вам мешать рассматривать столицу.

Посмеялись, заняли места в лимузинах, и кортеж устремился с аэродрома к Москве по новой скоростной магистрали, которую полностью освободили от транспорта.

Так же пусты были и улицы столицы России – до самого Кремля, хотя встречающих кортеж на тротуарах Москвы было много.

В километре от терминала Внуково человек в рабочем комбинезоне, сидевший в кабине автопогрузчика и наблюдавший за церемонией встречи двух президентов, опустил бинокль и достал мобильный телефон...

К зданию Сената на территории Московского Кремля, где у президента России располагались кабинеты для деловых встреч и залы для торжественных приёмов, кортеж подъехал в начале третьего.

Бейкер похвалил хозяина за комфортное сопровождение, поделился впечатлениями о новом лимузине, о шеренгах встречающих, об архитектуре столицы России, и оба вошли в здание через главный вход, украшенный колоннами, помахав руками журналистам и фотокорам, ждущим их появления.

Бейкер ни разу не был ни в Кремле, ни в залах Сенатского дворца, поэтому с интересом разглядывал владения российского президента, анфиладу комнат, Представительский кабинет Кондратова, располагавшийся в Овальном зале с эллипсоидной формы куполом, хрустальными люстрами, роскошными резными дверьми. Затем некоторое время с восхищением рассматривал малахитовый камин, одно из главных украшений Овального зала.

– Изумительно! – оценил он творение русских мастеров. – Малахит – волшебный камень!

– Особенно в золотых руках наших камнерезов, – с улыбкой добавил президент России.

Процесс фотографирования в зале завершился, журналистов и фотографов попросили покинуть зал.

Президенты извинились перед сопровождавшими их лицами и уединились, заняв кресла у камина: такова была договорённость – перед встречей делегаций в расширенном составе, с министрами иностранных дел, секретарями и главами администраций, поговорить друг с другом в формате «с глазу на глаз».

– Вкусно пахнет, – заметил Бейкер одобрительно, повертев головой. – По-моему, скошенной травой.

– Хорошо, что не «травкой», – пошутил Кондратов. – Вы курите?

Он знал, что Донован соблюдает здоровый образ жизни, не курит и алкоголь не употребляет, однако вопрос задал с дружеской интонацией.

– Нет, не курю.

– Я тоже. Кстати, знаете, почему скошенная трава так вкусно пахнет?

– Нет, – признался Бейкер.

– В её запахе целый букет окисленных углеводов, включая этанол, метанол, ацетальдегид и ацетон.

– Ужас! Сплошная химия?

Кондратов засмеялся.

- Природная химия, по сути феромон, улучшающий настроение. Чай, кофе, напитки?
- Кофе, если не возражаете.

По знаку переводчики президентов заняли места за их спинами.

Кондратов хорошо знал английский, в отличие от гостя, не разговаривающего на русском, но решил не нарушать протокол.

Красивые девушки в белых передничках вкатили тележки-столики, сервированные кофейными наборами из гжельского фарфора, ловко подали чашки с кофе: оба президента заказали бразильский, с молоком, российский – вошедший в моду «руссиано», американский – «американо», отличающиеся только названиями.

- Прямо из Бразилии? – подмигнул Бейкер, намекая на связь России с членом БРИКС.

– Подарок от бразильского президента, – в том же тоне ответил Кондратов. – Спасибо вашему Госдепу за санкции, мы теперь практически все фрукты и овощи выращиваем у себя, кроме кофе.

- У вас достаточно других проблем.

– Согласен, много, хотя мы научились их преодолевать. Появились и достижения. А по некоторым позициям Россия прочно занимает лидирующее положение в мире.

- По каким, прошу прощения?

– По разведанным запасам газа и нефти, в том числе в арктическом регионе, по запасам леса, по запасам серебра, алмазов.

- Ну, это всего лишь сырьё, а не высокие технологии.

– Намечается прорыв и в данном секторе развития, а кое-какие наши технологии и вам недоступны.

- Не соглашусь.

– Ваше право, хотя я спорю не из вредности, такова реальность. Россия мало в чём уступает Соединённым Штатам.

– Разве что в космосе и вооружениях. В демократических процессах, в защите прав человека, в уровне жизни вы далеко позади. Будете возражать?

– В уровне жизни – пожалуй, да, хотя расслоение на бедных и богатых у вас покруче российского. Что касается демократии, дорогой Донован... Можно я буду вас так называть? С американской демократией знакома не одна страна мира: Югославия, Чехословакия, к примеру, распавшиеся на отдельные удельные княжества благодаря вашей поддержке, Ирак, Ливия, Афганистан, Сирия.

– Да, да, кое-где мы перегнули палку, – поспешил согласиться Бейкер, по лицу которого прошла тень. – Но ведь и вы не отстаёте? Абхазия, Южная Осетия, Молдавия, Крым, Донбасс...

– Думаю, вы знаете причины процессов в этих регионах наших соседей, дорогой Донован. Они отделились, потому что так захотели их народы, а не мы. Хотя ваше мнение очень важно для нас. Повторюсь, проблем у нас хватает, как внешних, так и внутренних, не все они решаются быстро, но мы не боимся об этом говорить. Я даже могу признаться, что по уровню бюрократии мы тоже в первых рядах мирового социума. – Кондратов сожаляющее развёл руками. – Недалеко от вас ушли. Впереди мы и по количеству самоубийств среди подростков, и по числу детей-сирот, и по количеству курящих детей, по низкому уровню медицинского обслуживания и образования, усугублённому благодаря моим предшественникам введением Единого государственного экзамена, и так далее, и так далее.

– С медициной для беднейших слоёв населения и с образованием и у нас проблемы, – признался Бейкер. – Вот собираюсь их решать. Зато у вас в России намного лучше обстановка с мигрантами.

– Это с какой стороны посмотреть. Переселенцы из Азии и Африки к нам действительно не стремятся, прельщённые уровнем жизни Европы, но мигрантов из бывших республик Советского Союза хватает.

– Украинцев тоже?

– Украинцев больше всех. В последнее время власть Украины загнала свой народ в такие условия, что он готов бежать куда угодно, несмотря на санкции.

– Я мог бы привести иное мнение...

– А я могу представить факты. Как признался один из украинских бизнесменов, ситуация на Украине отражает колоссальный комплекс неполноценности её властных структур. Политика национального превосходства никого никогда не объединяла. Но и политика мультикультурализма тоже нежизнеспособна, судя по ситуации в Европе. Будете возражать?

– Наверно, не буду, – улыбнулся Бейкер, настроенный миролюбиво, – потому что человечество в целом настолько противоречиво и запутано само в себе, что любая правильная точка зрения тут же находит противоположное определение. В результате истина становится недостижимой.

– Но вы согласны с тем, что, впусив мусульман и дав им полную свободу действий, европейцы вырыли себе могилу?

– Вы затрагиваете глобальные проблемы современности, дорогой Юрий. Мы действительно имеем дело с новым противостоянием цивилизаций, а это не только военные конфликты, но и политические битвы и экономические сражения.

– Главное, чтобы не доходило до прямых столкновений и провокаций, а то в ряде западных средств массовой информации зазвучали призывы к нашим олигархам «спасти Россию от президента», вплоть до его ликвидации.

– Надеюсь, вы не считаете меня сторонником этой идеи?

– Разумеется, нет, дорогой Донован. Могу продолжить вашу мысль: сегодня идёт, как это ни прискорбно, главная война – за образы, за объективность картины мира, за иерархию истинных, не навязанных извне ценностей, с использованием не только soft power, как нынче модно говорить, но и грубой военной силы, с привлечением частных армий и спецподразделений. Масштаб внутренней агрессии человечества увеличивается день ото дня не только в связи с ростом населения нашей прекрасной планеты, но и с ростом амбиций властвующих фигур. Не секрет, что кое-кто из наших коллег мечтает о глобальном доминировании. Но ведь мы с вами понимаем пагубность попыток установить однополярный миропорядок? И всегда сможем обсудить проблемы и договориться?

– Я искренне надеюсь на это, – бархатисто рассмеялся американский президент. – Пора выработать единую политику во всех сферах наших отношений.

Они подняли чашки с дымящимся кофе, как бы реагируя на импровизированный тост, и проговорили ещё добрых полчаса наедине, прежде чем перейти к расширенному формату встречи.

Переговоры делегаций длились ещё полтора часа. После чего к толпе журналистов вышел улыбающийся пресс-секретарь президента России Леонид Максимов и сообщил приятную новость о том, что переговоры прошли в дружеской обстановке и что решено начать полноценную перезагрузку политических и экономических отношений между двумя державами.

– Через пять минут состоится пресс-конференция глав государств, – добавил Максимов.

Среди журналистов и фотокорреспондентов началось оживление, а один из них, аккредитованный как пресс-атташе Италии, вышел из зала, включил мобильный телефон и сказал два слова:

– Они договорились...

Композиция 2 Надсмотрщики

Европа, Дрезден – Рим

Четвёртого мая в роскошном дрезденском отеле Hotel Suitess zu Dresden, расположенном на улице An der Frauen-kirche, 13, в обстановке строжайшей секретности состоялось юбилейное, семидесятое заседание «Комитета 300». Встреча была посвящена фундаментальному пересмотру существующего формата международных отношений и внедрению информационно-психотехнических технологий в управление человечеством «сверху донизу».

«Комитет», а по сути – тайное мировое правительство, или, как его ещё называли, Криптономикон, был создан в начале двадцатого века. В него вошли «Совет по международным отношениям», созданный американским банкиром Морганом ещё в тысяча девятьсот двадцать первом году, Бильдербергский клуб, первое заседание которого состоялось в голландском городе Остербеке в тысяча девятьсот пятьдесят четвёртом году, в гостинице «Бильдерберг», отчего клуб и стали называть Бильдербергским, а также Трёхсторонняя комиссия – с тысяча девятьсот семьдесят третьего, орден «Череп и кости» и Римский клуб, внешнеполитическое подразделение «Комитета 300», имеющее частные разведывательные агентства, свою армию и отряды спецназначения. Именно Римский клуб по сей день контролировал работу спецслужб всего мира, в том числе ЦРУ, ФСБ, Моссад и даже китайский «Пиньинь».

Четвёртого мая собрались почти все члены «Комитета», как правило – советники президентов, помощники премьеров и сами премьеры, видные политики, банкиры (большинство) и руководители тайных Союзов. Вёл собрание президент «Комитета», он же – глава Римского клуба, председатель Папской комиссии Ватикана, кардинал Доменико Пьяцци, известный своим влиянием на папу римского. Поговаривали даже, что именно Пьяцци решает все внешнеполитические проблемы Ватикана.

Речь президента длилась сорок минут.

Пьяцци не только обрисовал общую ситуацию в мире, но и коснулся проблем, многие из которых появились в результате ошибок тех или иных членов «Комитета». В первую очередь это касалось деятелей США – банкиров и миллиардеров, допустивших промахи, ставшие притчей во языцех: Штаты, по сути, проиграли Украину, отступились от Сирии и не смогли закрепиться в Афганистане, Египте, Ливии и Ираке. Верный помощник стратегов ЦРУ – Исламское государство (ИГИЛ) не смогло добиться успеха в Ираке и Сирии и вынуждено было отступить, теснимое войсками ненавистного Саддама, курдскими ополченцами, иракской армией и российскими ВКС.

Китай догнал США и создал сильнейшую в мире экономику, практически не подчинявшуюся «Комитету».

Отношения Евросоюза и России изменились. Санкции ничего не смогли сделать со строптивыми русскими, ударив прежде всего по европейским производителям, и всё больше политиков заговаривали о диалоге с Россией.

Сама же Российская Федерация не только смогла выстоять в глобальной гибридной войне, но и обрела мощные вооружённые силы, технически совершенные системы защиты, а также, несмотря на внутренние проблемы и присутствие «пятой колонны» – агентов влияния

«Комитета» и либерал-предателей страны, начала успешно отражать информационно-пропагандистские атаки.

– И последнее, – закончил свою речь Пьянци, седой, величественный, с породистым холёным лицом и манерами аристократа, настоящий кардинал, – вчера в Кремле состоялась встреча президентов России и Штатов. По нашим сведениям, они договорились резко сократить конфронтационный потенциал и действовать совместно по всем векторам политического и экономического сотрудничества. Как вы понимаете, это по сути прямой вызов нашей структуре. Назрела проблема глобального масштаба. Дальнейшее увеличение численности населения Земли чревато экологической катастрофой! Дальше терпеть произвол размножения иных рас мы не можем. Прошу обдумать предложения по изменению нашей стратегии. Она должна быть гораздо более жёсткой, особенно по отношению к лидерам непокорных этносов. В первую очередь – китайскому, во вторую – к российскому и, как это ни прискорбно, к американскому. Кто хочет высказаться?

Над первым рядом присутствующих мигнул красный лучик.

– Лорд Лотингейл?

Поднялся помощник британского премьера, один из разработчиков Плана Глобального Контроля, спецпорученец Бильдербергского клуба.

– Самый верный способ кардинального изменения ситуации – быстрая смена власти в странах с лидерами, забывшими своё предназначение, господин президент. Мы не раз пользовались услугами... э-э, спецконтингента.

– Однако конфликты нам ни к чему, – скептически поджал тонкие губы Эрос Христиакис, главный банкир Греции.

– Речь идёт не о конфликтах, а о диверсиях, подготовленных как несчастный случай. Наши профи давно ведут разработки в этом направлении и достигли впечатляющих результатов. К тому же у нас есть идея привлечь к осуществлению плана замены президентов внутренние резервы российских, китайских и американских спецслужб.

– Конкретнее, пожалуйста.

– В Штатах мы легко найдём команду исполнителей для... э-э, ротации президента, да и в России тоже.

– И в Китае?

– С Китаем придётся повозиться, но мы справимся.

– Русские тоже весьма щепетильны в таких делах, – покачал головой полковник Эзра Хаус, замдиректора ЦРУ, всегда и везде одевающий чёрное. – Их либералы, как правило, трусы и мерзавцы.

– Готов представить план, как обойти эту проблему.

– Хорошо, мы обсудим ваш план с экспертами, – сказал президент «Комитета», обвёл глазами зал, охраняемый всеми существующими системами защиты и контроля. – Ещё есть предложения?

Ответом президенту был только шумок сидящих в креслах.

* * *

Вечером того же дня в том же отеле, в роскошном номере Пьянци собрались пятеро членов «Комитета», ответственных за «активную деятельность» спецподразделений: хозяин люкса, переодевшийся в подобие сутаны оливкового цвета, советник премьера Великобритании лорд Лотингейл, полковник Эзра Хаус, магистр ордена «Череп и кости» Хасан Озокхан и глава Бильдербергского клуба Ульрих Ван-Янг.

Повторив фразу «Нам брошен серьёзный вызов», президент «Комитета 300» добавил:

– Могу сообщить, что Те, Кто Выше, – Пьяцци поднял глаза к потолку с лепниной, – недовольны нашей медлительностью. Действовать надо решительней и быстрее, даже если это будет сопровождаться временной «потерей имиджа».

Разумеется, он имел в виду не папу римского, действующего по указкам «Комитета», и все это понимали, поэтому лишь обменялись косыми взглядами.

– Как вы собирались ликвидировать угрозу из России, Вилли?

– Прошу ознакомиться с планом мероприятий, – сказал лорд Лотингейл.

Присутствующие раскрыли персональные компьютеры последнего поколения; их можно было сворачивать в трубочку.

– Вы предлагаете начать с России? – глянул на свой экран Пьяцци.

– Абсолютно верно, ваше преосвященство, – ответил советник британского премьера. – В настоящее время её спецслужбы демонстрируют отличную выучку и профессионализм, и подобраться к их президенту будет непросто, потребуется какое-то время.

– И как же вы собираетесь сменить их лидера? – скептически осведомился черноволосый, смуглолицый Хасан Озокхан, отвечающий в «Комитете» за «протестную деятельность азиатских племён», в том числе – за военную помощь ИГИЛ. – Вряд ли вам удастся запрограммировать его охрану.

– Предлагаю действовать через наши российские ресурсы – пропагандистский филиал института Карнеги в Москве и «Ельцин-центр» в Екатеринбурге. Я предупредил директора института Павла Подвального, он здесь и ждёт приглашения.

– Подождёт, давайте сначала сами обсудим детали, – сказал Пьяцци. – У института Карнеги нет собственных спецподразделений, это информационная база по координации наших НКО и структур влияния, как и «Ельцин-центр».

– Зато руководители этих организаций связаны с такими военными институтами, как Нацгвардия и Академия подготовки войск специального назначения. Мой план учитывает эти обстоятельства. Главная задача – скомпрометировать президента России, вторая фаза – на волне протестов мировой общественности, поддержанной внутрироссийским плебсом, убрать его из Кремля. Если же понадобится сделать это срочно, команда должна пойти на радикальные меры. Первая половина плана институту Карнеги и «Ельцин-центру» вполне по плечу, провокации разработаны.

– Почему я об этом ничего не знаю? – пробурчал плотно сбитый, коренастый, похожий на сенатора Маккейна, полковник Хаус. Лицо полковника состояло из шрамов, бугров и рытвин и напоминало поверхность Луны, обработанную метеоритами.

– Вам тоже придётся напрячь мозговые извилины, – рассмеялся лорд Лотингейл. – Ваш югославский опыт очень ценен.

– Как вы собираетесь действовать в России, если спецслужбы русских стоят сейчас на ушах в связи с террористическими атаками Петербурга и Москвы?

– Наши эксперты подали хорошую идею. Кто нам мешает, – я имею в виду спецслужбы, – тот нам и поможет.

Присутствующие обратили внимание на холёное лицо Лотингейла, с губ которого не сходила снисходительная полуулыбка. Никто из них не знал, что лорд только что повторил знаменитую фразу из российского фильма «Кавказская пленница», и уж тем более не имел понятия, чем закончилась махинация, но фраза их заинтересовала.

– Каким образом? – спросил наконец толстяк Ульрих Ван-Янг.

– Создадим команду для ликвидации криминала и коррупции наподобие той, которая уже существовала в России.

– Вы имеете в виду «Стопкрим»?

– Совершенно верно, магистр. Судя по моим данным, российская чиновничье-бюрократическая мафия достигла той критической массы, когда может возникнуть неконтроли-

руемая реакция, то есть революция, чего мы хотели бы избежать. Мы создадим в России команду для отстрела наиболее одиозных и ненужных нам преступников, которая и сделает дело под вывеской «борьбы с коррупцией». Так сказать, поможем власти расправиться с криминалом быстро и жёстко.

Присутствующие оживились, по губам членов «Комитета» проскользнули понимающие улыбки.

– Это надо сделать тихо и незаметно, – сказал Пьяцци. – Народ России надо будет заставить поддержать... э-э, новый «Стопкрим». Наши агенты влияния в либеральных СМИ и НКО справятся с информационным обеспечением атаки, да и в правительстве России хватает деятелей, которые нас поддержат. Вариант беспроектный.

Помолчали, изучая текст разработанной епархией Лотингейла концепции воздействия на Россию.

– Что ж, замысел неплох, – констатировал Пьяцци, подводя итоги своим размышлениям. – Может сработать. С Россией более или менее понятно. Со Штатами, надеюсь, не будет столько проблем?

– Один снайперский выстрел, – скривил губы полковник Хаус. – Вдобавок мы легко спланируем убийство президента на Россию.

– Это модно.

– Не только модно, но и эффективно.

– Китай?

– С потомками драконов сладить будет потрудней, – признался лорд Лотингейл. – У китайского президента нет слабых мест, и на соблазны он не покупается. Нужен нестандартный подход. Но и тут у меня созревает идея использовать тех же русских.

– Как?

– Они дружат, я имею в виду президентов.

– Это просто деловой пиар.

– Тем не менее они демонстрируют чуть ли не братское доверие друг к другу и любят обмениваться культурными мероприятиями и военными учениями. Можно будет запрограммировать наш отряд «чистильщиков» и запустить его на очередные учения, где и сработают нужные «закладки».

– Но отряд неминуемо погибнет.

– А кого это волнует? Зато мы убьём сразу двух зайцев: сместим лидеров двух стран и опять-таки обвиним во всём русских.

Пьяцци откинулся на спинку кресла, изучая благородное, исполненное достоинства лицо лорда.

– Вы настоящий иезуит, Вилли.

Оживившийся полковник Хаус заплодировал.

– Прекрасная характеристика!

– Хорошо, принимается, – сказал президент «Комитета 300», коснувшись пальцами значка на халате: птичий глаз в чёрном треугольнике.

Композиция 3 Барсов

Москва

После обеда над Москвой собрались тучи, пошёл мелкий моросящий дождик, и наблюдать за объектом стало трудней.

Ефим Федосеевич Салапонько, украинский политолог, приглашённый в программу Артёма Шейнина на Первом канале для участия в обсуждении очередного всплеска военных действий на границе ДНР и Украины, не подозревал, что за ним установлена слежка, причём двумя группами: теми, кто хотел устроить провокацию – «завалить» украинца в столице России, чтобы обвинить потом российские спецслужбы, и теми, кто этого несчастного, седоватого, плешивого, горбившегося, прихрамывающего человека опекал, охранял и пестовал, чтобы с ним ничего не случилось.

Вторыми командовал Вениамин Барсов, майор спецотряда быстрого реагирования «Рысь», принадлежащего Силам специальных операций (ССО) Росгвардии, предназначенного для обеспечения общественной безопасности, охраны важных государственных объектов, обнаружения, блокирования и задержания террористов и членов бандформирований, способного совершать рейды по поддержке правопорядка в городах страны.

Группа Барсова перешла в Росгвардию из особого подразделения Федеральной службы охраны, специализирующейся на охране президента, премьера и важных государственных деятелей. Поэтому задача по охране гражданина другой страны не показалась Барсову сверхсложной. Но политическая подоплёка мероприятия в связи с участвовавшими провокациями Службы безопасности Украины была понятна, разведка предупреждала о возможной акции украинских диверсов в отношении политолога, и Барсов принялся выполнять задание со всей тщательностью и вниманием, на какие был способен.

Группа насчитывала одиннадцать человек, включая и его самого.

Кроме того, в операции прикрытия к нему были подключены все мобильные системы связи, компьютерного и технического сопровождения, орбитальная спутниковая группировка и контрразведка ФСБ.

В принципе охраной политолога должна была заниматься именно ФСБ, в которую входила Федеральная служба охраны, однако начальник Барсова полковник Гаранин, командующий ССО, намекнул, что приказ о защите украинца исходит от самого президента, и дело передали в Росгвардию. Очевидно, президент захотел проверить кондиции своего гаранта безопасности, предназначенного в первую очередь для его защиты, во вторую – для защиты конституционного строя.

Ефим Федосеевич Салапонько был давно известен средствам массовой информации России, политикам и спецслужбам. Особым умом он не обладал, но благодаря природной изворотливости и хитрости, способности быстро менять свою точку зрения и оказываться в нужное время в нужном месте, постоянно клеймя «клятых москалей» со всех трибун, сумел стать полезным радикалам в украинской власти и был объявлен ими чуть ли не знаменем укрнацизма.

Между тем оканчивал он российский вуз – Смоленский технологический институт, хорошо знал российских правозащитников и нередко был поддерживаем ими в соцсетях. Поэтому и принял приглашение руководства Первого ТВ-канала подискутировать на тему: кому выгодна война на Украине, хотя стал уже надоедать зрителям, высказывая откоро-

венно фашистские взгляды там, где об этом стоило помалкивать. Вряд ли ему приходило в голову, что его могут «сдать» радатели «незалежной», пекущиеся не о народе, а о своей выгоде.

Пятого мая он прибыл из Киева в Москву поездом и, сопровождаемый «хвостом» беспрецедентно сложной эшелонированной слежки, отправился в гостиницу на северо-западе столицы, сев в предоставленный телекомпанией автомобиль.

К сожалению, определить местонахождение украинской диверсионной группы российским контрразведчикам не удалось. Было известно, что к делу подключилась «спящая» ячейка, организованная по калькам террористов ИГИЛ, ожидающая команды не один день или месяц и проживающая в подмосковных городках и посёлках.

Получив задание, члены группы должны были собраться в Москве по наводке, провести операцию и раствориться «в толпе», оставив на месте преступления вещественные доказательства вины российских спецслужб.

Оперативникам был известен лишь один из диверсантов, бывший житель Донецка, гражданин Савостин, уже второй год работавший водителем «Скорой помощи» в районной больнице в Лыткарино. За ним и установили слежку, полагая выявить остальных членов группы. Однако диверы СБУ, обучавшиеся не только у российских специалистов, но и прошедшие спецподготовку у американских инструкторов «мокрых дел», научились работать тихо, общались со своими агентами только через компьютерные сети, и вычислить их пока российские контрразведчики не могли.

Но Барсов интуитивно ощущал, что киллеры где-то рядом, и поклялся доказать противнику, что хлеб ест не даром.

Заняв место в фургоне интерактивного сопровождения, следовавшего за «Фордом» телеканала от Киевского вокзала, с единственным пассажиром на заднем сиденье, он вспомнил операцию своего приятеля майора Дениса Вербова, служившего в спецназе ГРУ, целью которой было предотвращение покушения на штаб-квартиру Международной ассоциации лёгкой атлетики (ИААФ) в Монако, подготовленного агентами министерства обороны США. Вербов справился с задачей блестяще, сумев спасти жизнь президента ИААФ, и Барсов надеялся закончить свою операцию с не меньшей эффективностью.

Гостиница, в которой намеревался поселиться Салапонько (это стало известно после того, как он назвал водителю «Форда» адрес), оказалась маленькой, всего на двенадцать номеров, и частной. Название подтверждало её статус: «Микрокомфорт». Располагалась она в левом крыле шестизэтажного здания на площади Курчатова, напротив центрального входа в подземный ядерный комплекс, рядом с муниципальным отделением полиции и стоматологической клиникой.

– Глаза, – проговорил Барсов в усик микрофона рации; система мультисвязи позволяла ему разговаривать со всеми подразделениями, участвующими в перехвате, в режиме реального времени.

Термин «глаза» из лексикона спецслужб определял следующие действия наблюдателей: им отдавалась команда сосредоточиться на объекте и доложить, что они видят.

– В охвате постороннка, – сообщил капитан Коля Алексеев, носивший оперативный псевдоним Второй.

Это означало, что в пределах зоны наблюдения за объектом никто не следит, кроме бойцов группы.

– Ухо-первый.

– Серый шум, – отозвался сотрудник группы технического сопровождения, отвечающий за прослушивание телефонных переговоров в радиусе полукилометра от ведомого «клиента».

– Скорее всего, они будут ждать его в гостинице, – поделился своими умозаключениями лейтенант Саша Виткер; в иерархии группы – Третий; он олицетворял собой «мыслительный центр» подразделения, рассчитывающий варианты предполагаемых действий противника.

– Шестой, – вызвал Барсов лейтенанта Стёпу Дулько, – обзор.

– Всё тихо, как на кладбище, – ответил балагур и весельчак Шестой, уже подъехавший к гостинице. – Двор забит тачками, стать негде.

– Подозрения?

– Джип «Ситроен СХ-6» с затемнёнными стёклами, только что припарковался у входа, и белый фургончик «Газель Некст» с надписью на борту «Мороженое из Куренёвки».

– Глаз, где второй объект?

Речь шла о машине «Скорой помощи».

– Следует за первым в полусотне метров.

– Уши, они должны переговариваться!

– Просеиваем, – ответили из машины сопровождения. – В эфире более тысячи абонентов, комп трудится как гребцы на галерах.

Он имел в виду, что особая программа, разработанная психологами контрразведки, отслеживала все телефонные переговоры в зоне движения объекта и анализировала все произносимые слова и фразы, вычленивая представляющие оперативный интерес.

– Шестой, скинь номера джипа и фургона, Верхний-дорожный – пробей номера. Пятый, Седьмой – смените Второго.

Несколько минут в эфире царила тишина.

Потом заговорил Ухо-первый:

– Шеф, мы их поймали! Некий Туз предупредил Валета о пересдаче и направил его на площадь Курчатова!

Барсов помедлил; обращались к нему.

– Отследили местонахождение?

– «Скорая» с подмосковными номерами.

– Что я говорил? – послышался голос Виткера. – Они все едут к гостинице.

– В «Скорой» был один водитель, – напомнил Алексеев.

– Значит, их босс сидит в салоне «Скорой».

– Они решили убрать объект сегодня? – спросил Барсов с нотками сомнения. – Сразу после эфира?

– А зачем им ждать завтрашнего дня? Можно ведь «засветиться» ненароком. Федералы их эсбэушников хорошо прижали, и они вряд ли станут рисковать оставаться здесь ещё на сутки.

– Логично. Сосредоточились! Меняемся.

Фургон Барсова обогнал «Форд» телевизионщиков, в котором ехал Салапонько, свернул с Ленинградского проспекта на улицу Алабяна, потом на Маршала Бирюзова.

– Доложите обстановку!

– Клиент говорит по мобиле, – сообщил Алексеев.

– Уши?

– Да, пишем, – ответил Ухо-первый. – Слушайте.

– Митя, я приехал, – заговорил гнусавый, с характерным тягучим украинским акцентом, голос Салапонько. – Устроюсь в гостинице и до пяти буду свободен, можем встретиться.

– Ты один или с Николой? – отозвался другой голос, проглатывающий гласные.

– Один.

– В какой гостинице остановишься?

– В «Микрокомфорте», на Курчатова.

– Тогда предлагаю ресторанчик на Песчаной, «Гарден» называется, небольшой, но приличный и недалеко от твоей гостиницы. Могу за тобой заехать.

– Хорошо, я перезвоню.

Послышался тихий щелчок.

– Пишем реакцию, – сказал Ухо-первый.

– Валет, зайди и застынь, – проговорил мужской голос, принадлежащий человеку, привыкшему командовать. – Гусар уже там с десяткой, осмотришь. Подъедет Рябой, сообразим, какой вариант лучше.

– Понял, Туз. Я бы в гостинице его завалил.

– Не тебе решать.

– Понял.

Разговор прервался.

– Отследили тачку Валета? – спросил Барсов.

– Серый «Шевроле» с подмосковными номерами.

– Всем «на раз»!

Машина свернула на площадь Курчатова.

– Где встанем? – спросил водитель.

– Предлагаю прямо напротив отделения полиции, – сказал молчавший до сих пор спутник Барсова, сидевший рядом с водителем; Четвёртый, сержант Цуренов, легко перевоплощавшийся в чеченца, южанина-азиата, в японца или китайца. – Место есть.

– Паркуемся.

Фургон втиснулся между бело-синим полицейским «Лексусом» и чёрным «БМВ».

– Объект выходит из машины, – доложил Алексеев.

– В вестибюле гостиницы сидит парень, – добавил Шестой, он же Стёпа Дулько, – пьёт воду и делает вид, что занят мобилой.

– Всем дать картинку.

Шесть экранов оперативного монитора в кабине фургона отображали передачи с телекамер, вшитых в костюмы бойцов.

Барсов и его сосед лейтенант Митя Свержин принялись изучать изображения.

Салапонько вышел из «Форда», взял сумку на заднем сиденье, поблагодарил водителя и направился ко входу в гостиницу, представлявшему собой обычную пластиковую дверь с табличкой: «Здесь вас ждут».

Из подъехавшего следом «Шевроле» выбрался приземистый грузный мужчина лет сорока, в сером костюме, с палочкой, огляделся и не спеша двинулся к гостинице.

В вестибюле появился Салапонько, направился к стойке администратора.

Пацан поднял глаза на гостя, потом отвернулся и снова начал что-то искать в смартфоне, потом поднёс его к уху.

И тотчас же включился Ухо-первый:

– Пишем дозвон.

– Туз, он один, – зазвучал в фургоне Барсова тихий ломкий басок. – Можем завалить прямо сейчас.

– Рано, велено кончить после выступления.

– У меня плохое предчувствие, Туз, надо мочить этого кретина и рвать когти. Какая разница, когда это произойдёт?

– Узнай, в каком он номере остановится.

Разговор прекратился.

– Говорят по-русски, – послышался голос Виткера. – Наверно, на тот случай, чтобы прослушка не указала на принадлежность оперов к конкретной службе.

– Твоя оценка? – спросил Барсов.

– Стандартная расстановка, ничего необычного. Трое пасут клиента, командир плюс подручный в «Скорой», двое в белом фургоне, скорее всего – основные исполнители. Либо стрелки, либо взрывники.

– Седьмой, проверь фургон «Мороженое», – скомандовал Барсов.

Во дворе появилась белокурая красавица, одетая в серебристую курточку, белую блузку, туго обтягивающую высокую грудь, короткую юбку, открывающую стройные ноги, и в туфлях на высоком каблуке. В руках она держала сумочку, в которой что-то искала, идя мимо шеренги припаркованных во дворе дома машин. У белого фургона у неё из сумочки на асфальт посыпались тюбики, карточки, ключи, какие-то женские штучки, и она, охнув, начала подбирать их, страдальчески изогнув брови и умело демонстрируя сидевшим в кабине фургона мужчинам выдающуюся грудь. Какое-то колечко со звоном покатилося под фургон. Девушка попыталась достать его, не смогла, постучала кулачком в дверцу фургона, виновато улыбнулась:

– Извините, не сможете достать?

Водитель фургона и пассажир на переднем сиденье переглянулись.

Поколебавшись, водитель (это и был Валет) вылез, худой, жилистый, с гривой светлых волос, одетый в джинсовый костюм: куртка, штаны, чёрная майка, – заглянул под машину, прилёг, достал колечко, подал даме. Молча.

– Спасибо, – поблагодарила его девушка.

Он опять-таки молча залез обратно в кабину.

Девушка закрыла сумочку, торопливо зашагала по тротуару в обход дома.

– Их только двое, – раздался голос Ядвиги Ланской; это она играла роль блондинки. – Фургон настоящий, от него пахнет молоком и кефиром.

– Переоденься. – Барсов вызвал сопровождение. – Верхний-дорожный, пробили тачки?

– Все три, в том числе «Скорая», принадлежат муниципальным службам Лыткарино, – сообщил оперативник, осуществляющий связь с подразделениями МВД.

– Сбрось данные федералам.

– Есть.

– Может, захватим их сейчас? – предложил Виткер. – Всех вроде вычислили, можем упаковать эту вшивую команду за секунды.

– Нет! – отрезал Барсов. – У нас нет доказательств, что они намереваются мочить этого хохла. Ждём!

Салапонько заполнил анкету, взял ключ от номера и скрылся в левом коридорчике за стойкой администратора.

Вихрастый парень со смартфоном поднялся и шмыгнул за ним, поднося к уху мобильный.

– Он в шестом номере, – послышался его басок.

– За ним никто не топает?

– Никто.

– Не суетись.

– Пятый, твой выход, – бросил Барсов.

В поле зрения микротелекамеры, установленной в холле гостиницы ещё до приезда гостя Стёпой Дулько, появился Свержин, одетый как на приём к премьер-министру: тёмно-синий костюм, белая рубашка, галстук, сверкающие штиблеты, в руке тонкий чёрный кейс. Воспользовавшись тем, что охранник гостиницы отвлекся на беседу с администраторшей, лейтенант заглянул в коридор и тут же вернулся в холл, сел на место парня с мобильным телефоном.

Парень со смартфоном вернулся, потоптался у кадки с фикусом, поглядывая на охранника, и вышел на улицу. За ним через полминуты последовал старик.

Молодой белобрысый охранник вразвалочку подошёл к диванчику, рассматривая Свержина, остановился напротив. Вид у него был скучающий.

– Вы к нам? Могу я чем-нибудь помочь?

– Жду товарища, – веско проговорил Свержин, держа кейс на коленях. – Задерживается.

Охранник удалился.

– Уходи оттуда, не светись, – приказал Барсов.

Свержин посидел немного, постукивая пальцами по крышке кейса, достал мобильный, сделал вид, что звонит, сказал громко: «Ага, понял, иду», – и вышел из фойе гостиницы на улицу.

– Объект разговаривает с каким-то Митей, – доложил Ухо-первый. – Они собираются в ресторан, Митя уже едет за ним.

– Замерли!

– Думаешь, они сейчас начнут? – спросил Виткер.

– Вряд ли, им нужен факт того, что Салапонько замочат «по делу» – за его «прямое и честное» выступление на российском телевидении. Однако надо быть готовыми ко всему.

К гостинице подъехал белый «Мерседес» Е-класса.

Гость вышел, приблизился к «Мерседесу». Водитель не стал выходить, только приспустил стекло, пожал руку украинцу.

Дверца фургона «Мороженое» щёлкнула, выпуская пассажира.

Барсов напрягся.

Однако ничего не произошло. Неведомый Туз отдал команду своим подручным следовать за «меринком».

Барсов расслабился. Его мысль оказалась верной: командир киллер-команды решил завалить соотечественника после эфира, имея на руках доказательства «вспыхнувшей ненависти к нему русских бандитов за смелое сопротивление их политике».

«Мерседес» приятеля Салапонько, оказавшегося таким же лысоватым, седоватым и сутулым (за рулём сидел он сам), остановился на Третьей Песчаной улице, напротив рестораника «Гарден».

Кавалькады сопровождавших его машин, умело маневрируя и прячась за другими автомобилями, – команды киллеров и группы Барсова, – рассредоточились по стоянкам вокруг и во дворах близстоящих домов. Киллеры Туза вели себя спокойно, судя по коротким переговорам, и это обстоятельство давало Барсову повод чувствовать себя над схваткой. Диверсанты были уверены в своём превосходстве и не задумывались над последствиями операции. Вполне возможно, среди них были и российские военнослужащие, предателей для таких дел можно найти в любой стране, а может быть, они надеялись на «крышу» в российских спецслужбах, которая обещала им помочь с отступлением после мероприятия.

Гость и его приятель скрылись в ресторане.

За ним туда же шмыгнул знакомый парень со смартфоном.

Поскольку Свержин уже находился внутри заведения, прибыв чуть раньше, Барсов не стал посылать в ресторан ещё одного бойца, чтобы ненароком не насторожить диверсов.

Время остановило свой стремительный бег.

Расслабляться было нельзя, проблема оставалась нерешённой, но Барсов перевёл дух. Форс-мажор откладывался как минимум до семи часов вечера.

В половине пятого приятели, обсудившие в ресторане варианты поведения Салапонько в первой телестудии, сели в «Мерседес» и поехали в «Останкино».

Двинулись за ними и все причастные к этому делу люди.

Туз и его подручные до сих пор не догадывались, что их ведут, и действовали уверенно.

В четверть шестого водитель «Мерседеса», оказавшийся сотрудником общества «Мемориал» Дмитрием Ткачом, остановил машину на стоянке возле первого корпуса «Останкино» и вместе с гостем проследовал в здание, где их встретил помощник руководителя программы.

Свержин, имевший нужные «корочки», последовал за ними, встретился в холле студии с ещё одним оперативником, обеспечивающим контроль ситуации на территории телецентра.

Никто из команды Туза вслед за «клиентом» идти не рискнул, из чего Барсов сделал вывод, что мочить Салапонько будут в другом месте.

– Здесь они на рожон не полезут, – нарушил молчание Виткер. – У них всего два варианта: первый – устроить концерт с нападением где-нибудь по пути, либо аварию, либо всё-таки они поедут в гостиницу.

– Или в ресторан, – добавил Алексеев.

Барсов промолчал. Он тоже думал об этом и остановился на последнем предположении капитана. Киллеры не станут устраивать «концерт» вблизи «Останкино», в этом районе слишком много телекамер и охраны. А самым удобным для нападения местом был всё же ресторан. Точнее, легче всего было устроить разборки вечером, когда Салапонько после эфира из ресторана поедет в гостиницу.

То, что политика повезут в ресторан, Барсов не сомневался.

В половине восьмого встреча любителей поговорить о положении на Украине завершилась.

Ничего особенного сказано не было. Все приглашённые участники передачи давно были знакомы друг с другом и говорили ровно то, что от них ждали.

Произнёс свою речь и Ефим Федосеевич, дежурно обвинив Россию и российский народ во всех смертных грехах. К этому уже привыкли, и до мордобоя дело не дошло, хотя возражали украинскому политологу резко и неліцеприятно.

Впрочем, он этого и добивался, а для киллер-команды Туза его поведение послужило дополнительным обоснованием необходимости завершить провокацию с нужным результатом.

Мрачного после эфира политолога довели до машины, и хозяин «Мерседеса» повёз его в тот же ресторан «Гарден» на Песчаной.

– Напряглись! – отдал команду Барсов.

Он мог и не говорить ни слова, группа отработала бы задание на высочайшем уровне, без подсказки, принимая участие в задержании террористов не один десяток раз, но голос командира на всех действовал мобилизующе, и волна рации принесла тихие щелчки: так бойцы реагировали на приказ – пощёлкивая ногтем по усика микрофона.

К ресторану съехались семь машин. Три принадлежали команде Туза, четыре – подразделению Барсова.

Песчаная площадь была небольшой, а все улицы вокруг – неширокими. Тем не менее этот уголок Москвы вблизи метро «Сокол» не отличался большими транспортными потоками ни днём, ни тем более ночью, и бойцам пришлось проявить смекалку, чтобы расположиться вокруг ресторана незамеченными боевиками Туза и не выпускать их из виду.

Фургон с аппаратурой связи и контроля, в котором находились Барсов, Виткер и Цуренов (Первый, Третий и Четвёртый), пришлось припарковать во дворе дома на Новопесчаной. Остальные стали на улице Куусинена, упиравшейся в площадь, на Новопесчаной и возле аптеки на Третьей Песчаной, расположенной напротив ресторана.

Ткач и Салапонько скрылись в здании.

Началось тихое д в и ж е н и е.

В ресторан заскочил давешний вихрастый паренёк, не расстававшийся со смартфоном.

Туда же Барсов направил Свержина.

Из белого фургона «Мороженое» выбрались двое молодых мужчин с небольшими чёрными пакетами в руках, водитель и пассажир, приблизились к чёрному «Мерседесу», озираясь, и закурили, поставив пакеты на асфальт.

Шёл одиннадцатый час, стемнело, и прохожих на улицах было мало. Ни ресторан, ни машины на парковке их не интересовали.

Из серого «Шевроле» вылез знакомый блондин – Валет – и вразвалочку направился к ресторану, но не вошёл, остановился у крыльца с зелёными перилами, закурил.

К «Мерседесу» Ткача тихо подкатил фургон «Скорой помощи» с выключенной мигалкой, из которого выбрались двое: смуглолицый молодой человек в синей форме, игравший роль врача, с чемоданчиком в руке, и мужчина в возрасте сорока – сорока пяти лет, мощный, широкий, приземистый, с лицом постаревшего Арнольда Шварценеггера.

– Туз! – определил Виткер, не отрывающий взгляда от экрана. – Они что, будут ждать клиента у тачки?

Барсов промолчал, наблюдая за действиями киллеров.

Один из них, пассажир фургончика «Мороженое», отошёл к низкой металлической ограде парковки, расстегнул брюки.

– Человек – сущее ссущее, – философски прокомментировал происходящее лейтенант. – Что они делают, идиоты? А если охрана заметит?

– Смотри внимательней. Глаз, пишете картинку?

– Так точно, Первый, – отозвался оперативник группы визуального контроля.

– Кто-то должен снимать этот концерт, – вдруг сказал Виткер. – Чтобы потом выложить в Сеть свидетельства «зверств» наших спецслужб.

– Глаз, Ухо, ищите прикрытие! – скомандовал Барсов.

– Вижу джип «Чероки» у аптеки, – доложил Алексеев. – Дверца со стороны пассажира приоткрыта.

– Глаз?

– Он давно стоит, – сообщил опер наблюдения.

– Второй, видишь, кто в кабине?

– Нет.

– Что слышно?

– Ничего.

– Ладно, возьмём на заметку. Седьмой, если из джипа вылезут с телекамерой, – займись.

– Есть.

Водитель фургона «Мороженое» достал что-то из пакета, сунулся под машину.

– Ага, всё-таки простым путём пошли, – сказал Виткер.

Напарник водителя перестал делать вид, что опорожняется, ловко подбросил свой пакет под передок «Мерседеса».

– Твой выход, – сказал Барсов.

Лейтенант открыл дверцу фургона и исчез. В салоне остались только оператор системы контроля и сам Барсов.

– В джипе сидят двое с тубусом, – доложила Ланская.

– Это наверняка телекамера. Они твои.

– Есть.

– Поехали, – скомандовал Барсов водителю.

Фургон обогнул дом и подъехал к стоянке у ресторана.

– Пятый – берёшь пацана в ресторане, – сказал Барсов. – Четвёрка, Валет и водила «Шевроле» – твои. Второй, на тебе «Мороженое» и «Скорая», они не должны скрыться. Третий – к «мерину». Начали по команде «раз»!

Барсов вылез из фургона, одетый в обычный, удобный, не стеснявший движений костюм и футболку, направился к главарю киллер-команды, оглянувшись на шум подъехавшей машины, но ещё не сообразившему, что происходит.

– Привет, – широко улыбнулся Барсов, раскрывая объятия, считая секунды, шагая вроде бы и не быстро, но широко. – Валера, ты? Сколько лет, сколько зим!

– Вы обознались... – начал Туз, сунув руку в карман.

– Вот те раз! – огорчённо воскликнул Барсов, опуская руки. – Точно, не Валерка! Извините, показалось, что вы мой давний кореш.

К ресторану вдруг побежали возникшие из темноты тени.

Туз отвлёкся на мгновение, опешив, и Барсов достал его в прыжке-взлёте, нанося два удара – по бицепсу правой руки, собиравшейся вытащить оружие, а потом в лицо с такой силой, что нос здоровяка едва не провалился внутрь черепа. Упал он на асфальт уже без сознания.

Валета легко «опечатал» Цуренов.

Водителя «Скорой» взял Алексеев, и он же успел обработать водителя «Шевроле».

Ядвига Ланская скрутила двух парней в джипе, собравшихся снять фильм о ликвидации украинского политолога «упырями-кагэбистами».

Парней из фургона «Мороженое» взяли Второй и Третий, не заботясь об их ощущениях и здоровье; били в полную силу, зная, что у кого-то из них может находиться командер подрыва взрывных устройств, установленных на «Мерседесе».

Позже оказалось, что второй пакет, подброшенный под машину, представлял собой «улики» – сфабрикованные в СБУ документы с отпечатками пальцев российских омоновцев, пистолет и листовка с угрозой расправиться со всеми «укропами», врагами России.

Из ресторана вышел невозмутимый Свержин, держа задержанного паренька за руку особым хватом.

– Пакуем всех! – приказал Барсов, радуясь, что операция закончилась без единого выстрела или крика. Оглядел поле боя, любопытных прохожих не обнаружил. – Нашли пускач?

– Вот. – Алексеев протянул ему футляр прибора, похожего на мобильный телефон, включающего взрывное устройство.

– Запишите процесс съёма мины на камеру, со всех ракурсов. Уходим. Второй, Третий, Шестой – пасёте клиента до утра. Мало ли какой ещё туз в рукаве припрятан у этих дуболомов.

– Куда доставить упакованных? – спросил Алексеев.

– Пока на базу, в отдельные апартаменты, – ответил Барсов. – Утром разберёмся, кого куда отправить.

Бойцы начали «паковать» задержанных, и уже через минуту возле ресторана не осталось ни одного человека. Захлопали дверцы автомобилей, заработали моторы, машины начали тихо отъезжать от места событий.

Всё произошло настолько быстро и тихо, что охрана ресторана ничего не заметила, хотя одна из телекамер заведения была направлена на стоянку.

Барсов проследил за движением, залез обратно в фургон техподдержки, дал отбой всем службам, принимавшим участие в операции. Затем связался с главой ССО, полковником Гараниным:

– Зэт-главный, концерт окончен, потерь нет, свидетелей тоже, артисты отдыхают. Всех везём на базу. Видеоматериал могу сбросить почтой.

– Я не сомневался в вашей расторопности, – ответил Гаранин. – Клиент ничего не заметил?

– Даже не догадывается, что его хотели замочить, сидит в ресторане с приятелем.

– Проработайте его до конца.

– Как всегда.

– Завтра утром встретимся на базе.

Разговор прервался.

– Куда, товарищ майор? – спросил водитель.

– Вези меня домой, сам вернёшься на базу, – ответил Барсов, окончательно расслабляясь.

* * *

В половине девятого утра он уже проехал ворота базы СОБРа в подмосковном Видном на своей серебристой «КИА Спорт».

Специальный отряд быстрого реагирования «Рысь» был создан в системе МВД в тысяча девятьсот девяносто втором году как элита спецназа из тринадцатого отдела тактических операций. Предназначался он для силовой поддержки ОМОНа при проведении спецопераций, задержании вооружённых и особо опасных преступников, а впоследствии и террористов, а также для борьбы с бандитизмом и оргпреступностью. В две тысячи шестнадцатом году «Рысь» перешла в состав сил специальных операций Росгвардии и стала подчиняться генерал-полковнику Сереброву, которого все за глаза называли просто – Директором. Серебров когда-то командовал подразделением личной охраны президента России и слыл компетентным и знающим своё дело специалистом. Через два года его сменил генерал Лавецкий, возглавлявший до этого службу охраны премьер-министра.

Вениамин Барсов попал в ряды спецназа, можно сказать, случайно. Всю свою сознательную жизнь он занимался единоборствами, ещё в институте (учился он на юрфаке Владивостокского универа) стал чемпионом города по боям без правил, его заметили рекрутёры краевого Управления СОБРа, предложили после окончания вуза пойти к ним на «адреналиновую» службу, и Вениамин согласился, в силу молодости, природной жажды приключений и отсутствия какой-либо привязанности. В те годы о семье он не думал, и было ему тогда всего двадцать два года.

Нынче, в свои тридцать пять, он так и не завёл семьи и выглядел брутально спортивным: метр девяносто рост, широкие плечи, мощная шея, крупные ладони, пальцы которых могли выдёргивать гвозди из стен, открытое лицо с широким подбородком, прямой взгляд карих глаз, светлеющих иногда до тигриной желтизны, – и мог пройти любое испытание на выносливость.

Звание майора он получил год назад, уже будучи в войсках Национальной гвардии. Позже, чем рассчитывал. Но о своём решении перейти в службу защиты Родины, как бы пафосно это ни звучало, он не жалел никогда.

К его удивлению, Гаранин – плотно сбитый, кряжистый, с седоватым ёжиком волос, выслушивать его подробный доклад о проведении операции не стал. Выйдя из-за стола в своём кабинете, он пожал руку Барсову и сказал, глянув на часы:

– Едем, нас ждут.

– Кто? – не понял Барсов.

– Тот, кто имеет право, – туманно объяснил Гаранин.

– Куда едем?

– В Управление.

Барсов догадался, что их вызвал Лавецкий, и больше вопросов не задавал.

Центр специального назначения сил оперативного реагирования (ЦСН СР) Росгвардии располагался в Щёлково, на проспекте 60-летия Октября. Длинным названием этой структуры, имеющей в подчинении ОМОН «Зубр», СОБР «Рысь» и АОСН² «Ястреб», никто не пользовался, и все сотрудники Центра называли его просто Управлением.

Начальник Управления генерал Лавецкий ждал приглашённых в своём кабинете на первом этаже главного корпуса. Кроме него в кабинете, больше напоминающем зал Центра управления обороной России в миниатюре, за Т-образным столом сидел ещё один человек, в обычном сером гражданском костюме и сером свитере, которого Барсов не знал. Гость был худ, сед, носил очки и выглядел отшельником-аскетом, просидевшим в келье монастыря не один десяток лет. На приветствия Гаранина и Барсова он ответил глуховатым «здравствуйте» и принялся молча изучать Барсова.

– Садитесь, – сделал приглашающий жест хозяин кабинета, разглядывая повёрнутый к нему монитор.

Приглашённые сели бок о бок.

Лавецкий, настоящий гигант, шире Барсова, с шеей борца-тяжеловеса и впечатляющей лепки глыбистой головой, поросшей серо-серебристым пухом, отодвинул клавиатуру, посмотрел на Гаранина.

– Поздравляю с успешным завершением операции, Владимир Силиович. Задержанные, по моим сведениям, уже дают признательные показания. Но за паном Салапонько ещё надо присмотреть, пока он не отправится на родину.

– Бдим, – коротко ответил полковник.

Лавецкий перевёл взгляд серых глаз на Барсова:

– Хорошая работа, майор.

– Служу России! – привстал было Вениамин.

– Сиди. – Генерал посмотрел на гостя-аскета. – Лучшие кадры, Алексей Степанович.

Гость кивнул:

– Не сомневаюсь. Именно такие и нужны.

Лавецкий посмотрел на Гаранина:

– Он знает, зачем приглашён?

– Нет, – качнул головой полковник. – Не было приказа ввести его в курс дела.

– Создаётся команда особого назначения, майор, которой будет руководить непосредственно человек из окружения президента.

– Разрешите, Валентин Сергеевич? – сказал аскет. – Я сообщу кое-какие детали.

– Да, конечно, Алексей Степанович.

– Прежде всего, майор... как ваше имя-отчество?

– Вениамин Валерьевич, – ответил за Барсова Гаранин.

– Я генерал Зеленов... в отставке. В случае согласия будете подчиняться непосредственно мне.

Барсов кинул взгляд на Гаранина, не меняя выражения лица.

– В настоящий момент Алексей Степанович – военный советник президента, – добавил Лавецкий.

– Так вот, Вениамин Валерьевич, прежде всего наш разговор входит в разряд «совершенно» со всеми вытекающими. Формально вы остаётесь в подчинении полковника Гаранина, но...

– Понял, товарищ генерал.

– Просто советник.

– Слушаюсь.

² АОСН – авиационный отряд специального назначения.

– Создаются три взаимодействующие группы: отслеживания и сбора информации, разработки программ активного воздействия и непосредственно устранения... м-м-м, скажем так, нежелательных элементов. Это то, чем будет заниматься ваша группа – ГОН, усиленная профессионалами соответствующего профиля.

– ГОН?

– Группа особого назначения. Первые две группы – ГОС и ГРАД – по сути, тоже будут подчиняться вам во время проведения операций, хотя в периоды между операциями ими буду руководить я.

– Вопрос можно?

– Слушаю.

– Хочу уточнить, чем будет заниматься моя группа?

– Тем же, чем и раньше, – буркнул Гаранин.

– Тогда зачем переподчинять меня и группу вам?

– Вы будете выполнять задачи иного плана, – сказал Зеленев. – Террористами и бандитами есть кому заниматься. А вот криминал высшей пробы чувствует себя абсолютно спокойно при нашем либеральном правительстве. Слышали о такой конторе, как «Стопкрим»?

– В основном легенды, если честно. Говорят, её закрыли несколько лет назад?

– Она сама прекратила свою деятельность. А занималась она, как бы это поточнее выразиться, отстрелом негодяев – зарвавшихся чиновников, обнаглевших от неуязвимости прокуроров, продавшихся судей, полицейских с большими погонами – и другим человеческим мусором. После смены президента коррупционеры притихли было, но в настоящее время мы наблюдаем беспрецедентный рост преступлений во всех сферах жизнедеятельности общества, истинный беспредел чиновничества. Либеральное правительство и правовая система не только не справляются с ним, а наоборот, поощряют криминал, и поэтому возникла идея...

– Возродить «Стопкрим».

– Нечто подобное, но на другом уровне.

– Но ведь такая система незаконна. Или я чего-то не понимаю?

Зеленев и Лавецкий переглянулись.

– Если мы сейчас не переломим негативную тенденцию построения в стране абсолютно коррупционной власти, завтра будет поздно что-либо предпринимать, – сказал Зеленев ворчливым тоном. – Проблем столько, что закону одному не справиться, тем более что этот закон каждый чиновник трактует по-своему. Впрочем, никто не заставляет вас идти против совести, если вы откажетесь. Разве что придётся подписать кое-какие бумаги о неразглашении.

Барсов помолчал, оставаясь с виду вежливо-сосредоточенным. Предложение было неожиданным, с законом он дружил, но и проявлений беззакония во властных структурах знал предостаточно, чтобы давно зреющее в душе желание навести порядок приобрело статус решения. Тем более что начальник ССО, которого он уважал и которому доверял, явно находился на стороне советника.

– Я согласен.

– Ну и отлично, – кивнул Зеленев. – Нет смысла упоминать здесь слово «патриотизм», так как все мы патриоты своей страны и готовы ради неё на многое.

– Прошу прощения, товарищ ге... э-э, советник. Не могли бы вы всё-таки определить границы применения моей группы?

Лицо Зеленева не дрогнуло. Судя по всему, он был весьма уравновешенным человеком.

– Проблем, к сожалению, накопилось много, и почти все они лежат в области национальной безопасности. Правительство видеть их не желает, а правоохранительные органы зачастую сами участвуют в разрушительной деятельности, крышуя бандитский бизнес.

Могу привести несколько примеров. Так называемый даркнет – «чёрный Интернет» – существует уже почти двадцать лет, преступники продают там наркотики, оружие, девочек, распространяют экстремистскую литературу, а спецслужбы с ним до сих пор не могут справиться, зачастую натываясь на дыры в российском законодательстве и чиновничьи препоны. И растёт эта страшная опухоль не по дням, а по часам! Второй пример – деятельность тех же чиновников в глубинке, буквально убивающих фермерство и мелкое частное предпринимательство. Казалось бы, подумаешь – частники, сельские жители, алкоголики и пьяницы... Но бегство мелкого бизнеса из сёл и малых городков за Уралом и в Сибири достигло масштаба национальной катастрофы! Люди уезжают оттуда, а сокращение количества школ и мелких медицинских учреждений катастрофически усугубляет процесс. Кому готовится плацдарм, если земля опустеет, как вы думаете?

– Китайцам, – сказал Гаранин.

– Совершенно верно. Хотя и Европа заглядывается на наши просторы и облизывается, предвкушая поживу, готовая в любой момент поддержать центробежные силы государства и поучаствовать в «оранжевой революции».

Ещё пример: в семнадцати регионах страны дети в школах и интернатах собирают деньги на общак для эзков. Но этой страшной субкультурой АУЕ занимаются лишь отдельные уполномоченные по правам человека и детский омбудсмен, хотя проблема давно переросла местечковые масштабы.

– Что такое АУЕ?

– Арестантско-уркаганское единство. Могу продолжать в том же духе долго. Москва оккупирована нелегалами, но борются с ними абсолютно формально, так как полицейские до сих пор кормятся с массы простых людей. Так называемые сетевые воины-мизантропы создают свои террористические армии, пополняющие ряды ИГИЛ. Ювеналы гнобят семьи, отбирая детей по надуманным поводам, потому что хорошо зарабатывают на этом. И везде над всем беспределом сидит чиновник, чиновник и чиновник! Не испытывающий страха за свою гнусную деятельность! Знающий, что Система его спасёт! Вспомните хотя бы дело подмосковных прокуроров, замешанных в крышевании игрового бизнеса, да и не только в крышевании. Кто-нибудь из этих деятелей осуждён?

Барсов молчал. На его памяти не были осуждены и более высокие государственные мужи, вплоть до министра обороны Сердюкова, едва не погубившего армию России, и всех их тоже выручала существующая система спасения своих.

– А что делают министры правительства? – продолжал Зеленев. – Депутаты польского сейма решили снести все памятники советским воинам, освободителям Польши от фашистских захватчиков, для России это беспрецедентный акт национального унижения, а как прореагировал Кремль? Бездарно-растерянно утёрся под невнятное бормотание МИДа о «серьёзной озабоченности». То же самое было и при сносе памятников русским деятелям на Украине. Будем терпеть дальше?

Барсов молчал.

– Знаете, сколько уходит средств на зарплату чиновникам? Если в две тысячи семнадцатом году сумма составляла семь триллионов рублей, то нынче это уже десять триллионов! Даже за половину этой суммы можно построить десять тысяч школ на тысячу учеников каждая или почти полсотни тысяч модульных врачебных амбулаторий, тридцать тысяч детских поликлиник, тридцать тысяч детсадов на двести мест. И так далее. Знаете, сколько получает глава «Газпрома»? Больше трёх миллионов рублей... в день! Глава «Роснефти» не меньше! На сегодня в России мы имеем шесть миллионов бюрократов, что в разы превышает все мировые нормы эффективного управления!

Барсов молчал.

– Мы просто усиливаем давление на криминал, – закончил Зеленев будничным тоном. – Подразделения антитеррора, ОМОН, СОБР, борцы с наркотиками – это видимая часть войны с коррупционной мафией, её надо развернуть реально на правительственном уровне, и президент доверил это дело Нацгвардии.

– Владимир Силивич, – сказал Лавецкий, – вам задача понятна?

– Так точно, товарищ генерал, – кивнул Гаранин.

– Нужно создать новую группу, способную решать разные задачи. Нужны профи соответствующего уровня.

– Группа майора Барсова вполне готова...

– Я сказал – новую группу. Сами решите, кто войдёт в неё. Если бойцы майора подойдут, включите кого-нибудь в ГОН. Поищите в других подразделениях, у коллег в ГРУ и ФСБ, я договорюсь о переводе.

– Разрешите выполнять?

– Идите.

Гаранин и Барсов встали, повернулись через левое плечо и вышли. В коридоре глава Службы специальных операций сказал:

– Вечером жду с предложениями по каждому бойцу.

– Мне нужно знать, какие именно задания мы будем выполнять.

– Я же говорил – практически те же самые, что и раньше. В группе должны быть опытные бойцы, в том числе рукопашники, взрывники и снайперы. Плюс переводчики, знающие языки, лицедеи и профессионалы разведки. Есть кто-нибудь на стороне, кого бы ты взял в группу?

Барсов начал вспоминать, с кем служил ещё до перехода в Росгвардию.

– Надо подумать.

– Думай. Едем на базу? Или тебя подбросить домой?

– На базу.

– Тогда едем вместе.

«БМВ», принадлежащая гаражу командования Нацгвардии, рванула с места как граната, выпущенная из гранатомёта. Гаранин любил быструю езду, зная, что номер машины, начинавшийся знаменитой аббревиатурой ЕКХ, которую в народе перевели как «еду, как хочу», позволяет ему не предъявлять документы инспекторам ДПС.

Впрочем, и Барсов любил скорость и ощущение драйва, будучи по натуре человеком д в и ж е н и я.

Уже приехав на базу, он позвонил соседу по даче, полковнику ГРУ в отставке Ивану Дмитриевичу Болотову, с которым дружил уже больше десяти лет, с тех пор как приобрёл махонький коттеджик в Митяево, недалеко от Вереи, и договорился с ним о встрече. Семидесятичетырёхлетний Болотов когда-то командовал десантно-разведывательной группой, знал многих оперативников и мог подсказать, кто из них годится для решения задач ГОН.

* * *

Кардинал Доменико Пьяцци ужинал в своём роскошном особняке на берегу Эгейского моря, когда слуга-охранник поднёс ему на специальном блюде мобильный айком.

– Красный сигнал, ваше преосвященство.

Пьяцци вытер жирные пальцы салфеткой, жестом отослал слугу, коснулся сенсора контроля защищённой линии, прижал айком к уху.

– Слушаю.

– Всё в порядке, ваше преосвященство, – прошелестел в трубке голос заместителя директора ЦРУ Эзры Хауса. – Процесс пошёл.

– Где? – не сразу понял, о чём идёт речь, президент «Комитета 300».

– В России. Наши люди надавили на нужные кнопки во властных структурах, и в недрах Нацгвардии создаётся особая команда, нацеленная на зачистку территории страны от криминала. – Звонивший хохотнул. – Как оказалось, у простых россиян накопилось очень много претензий к либеральной политической верхушке. Протестное движение набирает силу, плебс всё чаще выходит на площади, и под этот шумок нам будет легче повернуть акцию по замене президентского пула.

Пьянци представил бугристую физиономию смеющегося Хауса, и во рту стало кисло.

– Гарантируете?

– Стопроцентно! – заверил его организатор многих спецопераций «Комитета».

– Нам нужно будет сменить сразу и американца, и китайца.

– Готовим соответствующие программы. Как я уже говорил, с американским парнем проблем не будет, снайперов у нас достаточно, хотя есть и другие варианты. С китайским придётся попотеть.

– Потейте. И докладывайте.

– Непременно, ваше преосвященство. – Голос Хауса пропал.

Пьянци поманил слугу пальцем, отдал ему трубку и снова занялся трапезой, строго следуя закону немецких солдат во время Второй мировой войны: война войной, а обед по расписанию.

Композиция 4 Яшутин

Миллерово – Каменная Балка

Подразделение подняли по тревоге в два часа ночи.

Костя Яшутин проснулся ровно за секунду до сирены – сработала интуиция.

Подразделение «Зубр», входившее в контингент Федеральной службы войск Национальной гвардии, в котором он служил лейтенантом и командовал мобильной группой, располагалось в городке Миллерово Краснодонского района Краснодарского края, на территории военного гарнизона, также принадлежавшего Росгвардии.

«Зубр» был создан в две тысячи шестнадцатом году, и его численность в те времена не превышала четырёхсот тридцати человек, да и дислоцировался он в подмосковном Щёлкове. Но спустя два года подразделения этого отряда быстрого реагирования были сформированы и в других городах России, в том числе на Кавказе и у границ России с Украиной, где до сих пор тлея гражданская война, а головорезы нацбатальонов «Правого сектора» нередко устраивали провокации, а иногда и лихие «хазарские» набеги на хутора и сёла российского приграничья.

В состав отряда входили разведчики, спецы перехвата, снайперы, подрывники и кинологи, экипированные по последнему слову техники, использующие БТР «Бумеранг», бронированные автомобили «Тигр» и вертолёты Ка-52 «Аллигатор» и «Ночной охотник» – Ми-28Н.

Кроме того, в Миллерово имелись и боевые багги «Чаборз», производимые в Чечне, и Яшутин как раз командовал группой, целиком посвящённой решению боевых задач на багги, способных совершать скоростные рейды на десятки и сотни километров.

Раньше ни СОБР, ни ОМОН, ни отряды специального назначения внутренних войск никогда такие рейды не отрабатывали. В то время как за рубежом спецслужбы давно практиковали такие походы, ещё с момента проведения операции «Буря в пустыне». На сленге американской «Дельты» и британских SAS эти походы называли «рейдами шакалов», и вполне возможно, таковыми они и были. Но в условиях российской реальности ни о каких «шакальных рейдах» речь не шла, быстрые марши помогали в короткие сроки уничтожить отряды и базы террористов, поэтому необходимость в мобильных багги-группах только росла.

В состав группы Яшутина входил взвод спецназа и семь машин, вмещавших при полной загрузке до тридцати бойцов.

Сами же боевые багги изготавливались на аргунском автозаводе «Чеченавто» и в зависимости от модификации могли перевозить от двух до шести человек, плюс двести-триста килограммов груза. В распоряжении отряда Яшутина имелись трёхместные машины «Чаборз» М-3 и шестиместные «Чаборз» М-6, имевшие станки для пулемётов «Корд» калибра двенадцать и семь десятых миллиметра, «Печенег» – калибра 7,62 миллиметра и автоматического гранатомёта АГС-30.

Пока бойцы спешно натягивали спецкомбинезоны и шлемы, превращавшие их в «киборгов», вооружались и строились напротив гарнизонного гаража, Яшутин получал инструктаж от особиста гарнизона капитана Ващекина. После этого он быстро в сопровождении капитана и командира гарнизона полковника Ярцева подошёл к подразделению, вслушиваясь в разговоры подчинённых и косясь на старших офицеров, прикидывая, какое впечатление произведёт на них речь бойцов, не всегда сдерживающих свой язык.

Они шутили, пребывая в хорошем расположении духа, несмотря на ранний подъём, и говорили то, что думали.

Поскольку по тревоге подняли только мобильный отряд, остальные служащие гарнизона продолжали спать мирным сном, вокруг было тихо, и негромкие голоса бойцов Яшутина разносились далеко окрест.

– Так, Эд, признавайся, куда ты ходил вчера вечером? – услышали подходившие офицеры.

– Куда надо, – огрызнулся Эд – сержант Волобуев.

– Это мы понимаем, можем даже назвать район сосредоточения – столовка. А с кем – секрет?

– Не твоё дело.

– А я и так знаю – с Риммочкой из столовки. Она же страшенькая! Вовик рассказывал, что потом месяц не мог смотреть на девочек.

– Ну... я был не в себе... – буркнул сержант.

– А в ком?! – изумился собеседник.

Раздался хохот.

Яшутин покосился на командиров, обогнал их и вышел на освещённое фонарём пространство.

– Отставить смехуёчки! Построились! Смирно!

«Киборги» перестали смеяться, встали в две шеренги.

– Больные есть?

– Нет! – дружно ответил строй.

– Слушай боевую задачу! – Яшутин отступил, и командир гарнизона скупно и чётко обрисовал возникшую ситуацию:

– Два часа назад украинские силовики, а конкретнее – отморозки из батальона «Днепр», перешли границу Российской Федерации в Краснодарском районе между селом Можаявка и хутором Маноцкий, убили участкового и двух мужчин, попытавшихся оказать сопротивление, и увели на ту сторону одиннадцать человек, преимущественно женщин и девочек.

По рядам бойцов прошло движение.

Яшутин сглотнул, представив, что творится сейчас на душе молодых ребят группы, хотел сделать жест – молчите, но передумал.

– По данным погранцов и разведки, пленных отвели к станице Югановка в десяти километрах от границы.

– Зачем? – спросил кто-то из бойцов; Яшутин нашёл глазами спрашивающего, это был сержант Гургенидзе.

Командир гарнизона усмехнулся.

– Логика нацистов мне недоступна. Как известно, умный больше одного раза на одни и те же грабли не наступает, но у господ «укропов» мозги отсутствуют напрочь, а мы всё прощаем и прощаем. Есть подозрения, что наших граждан похитили для продажи на органы, это сейчас на Украине лучший бизнес. Так вот, дан приказ освободить пленных имеющимися в наличии силами. Для этого ваша группа отправится к границе и, пока бандиты чувствуют себя в безопасности, сделает дело. Желательно без шума. Вопросы?

– Там же, на границе с Луганщиной и Украиной, течёт река Деркул, – сказал крайний слева боец, – приток Северского Донца.

– Это проблема?

– Нет, – ответил Яшутин за бойца; это был сержант Мишин.

– Ещё вопросы?

– Нужен местник, – сказал Мишин, всегда достававший самого Яшутину своим мнением по любому вопросу. Хотя оперативник он был классный.

– На хуторе вас будет ждать проводник с той стороны. Остальные вводные получите от комвзвода. Надеюсь на ваш опыт и профессионализм, товарищи бойцы. Не подведите.

– Служим России! – выдохнул строй.

– Продолжайте, – посмотрел на Ващекина командир гарнизона и канул в темноту.

– Связь со всеми вспомогательными структурами обеспечена, – добавил капитан. – Разведка и спутники работают на нас. Весь путь до границы – это около девяноста километров – займёт у вас час, ГИБДД предупреждена о броске, задержек не будет, а там всё будет зависеть от вас. Хорошо бы успеть закончить дело до рассвета.

– Понял, товарищ капитан.

– У меня всё. Удачи, лейтенант!

Ващекин козырнул и направился к казарме.

– По машинам! – скомандовал Яшутин.

Через пять минут тронулись в путь.

Яшутин сел в головную багги, трёхместную, проверил связь.

Все бойцы были экипированы новейшими боевыми шлемами «Спартанец», выполненными из сверхпрочного углепластика – карбона, лёгкими, удобными, снабжёнными планками Пиккатины для установки приборов ночного видения, антенн спутниковой связи, фонарей и наушников, а главное, имели компьютеризированную систему связи с выводом данных на внутреннюю поверхность защитного стекла.

Миллерово – средних размеров городок российской глубинки, с количеством жителей под тридцать пять тысяч человек, основанный указом Екатерины Второй в тысяча семьсот восемьдесят шестом году, – объехали с востока и на полной скорости устремились на юг по трассе М4, пока не свернули направо, к посёлку Тарасовский. Здесь дорога была похуже, и скорость движения колонны упала, однако в принципе темп держали, и через Чеботовку, Войково и Елань проехали согласно установленному сроку. На хуторе Маноцкий отряд появился в половине четвёртого ночи, где бойцы Яшутина отыскивали проводника и посадили к командиру в машину.

Повернули на север, к Можаявке, снизив скорость до пятнадцати километров в час. Здесь просёлочные дороги были никакие, и лишь отличные ходовые качества багги позволяли двигаться более или менее свободно.

Добрались до мостика через Деркул, охраняемого пограничным нарядом, выключили фары.

Яшутин переговорил с пограничниками, предупреждёнными заранее о появлении отряда, связался с гарнизоном:

– База, я Браво-один, готов действовать.

– Браво-один, даю канал с оперативным центром в Москве, – ответил капитан Ващекин, – пароль Ось-три. Будете действовать по его указке.

– Слушаюсь.

Рация заговорила через несколько секунд:

– Браво-один, докладываю обстановку. За рекой тихо, никакого подозрительного шевеления не замечено. «Укропы» построили на границе нечто вроде «линии Маннергейма» – ров и провололочное заграждение, но вы пройдёте по их следам, эти дуболомы оставили брешь в сетке. Погранзаезда с их стороны находится в двадцати километрах, в украинской части Можаявки на левом берегу. Пленников, судя по переговорам командира батальона, держат в бывшем колхозном амбаре на краю села Колесниковка. Семьсот жителей, тридцать шесть хат, клуб, превращённый в казарму. Боевики, захватившие сельских, уже угомонились. Всего их около взвода, человек тридцать пять, на четырёх бэтэрах и двух пикапах

с пулемётами. Но это не регулярная армия – какой-то разведывательно-десантный резерв батальона «Днепр», настоящие головорезы.

– Понял, Ось-три, – сказал Яшутин. – Выдвигаемся. – Повернулся к проводнику, молодому лохматому парню, одетому в старый пятнистый комбинезон советского образца, выгоревший до желтизны: – Тебя как звать?

– Митяй.

– Мост выдержит?

– Не... – застенчиво ответил паренёк. – «Укропы» его на той стороне взорвали, тута теперь никто не ездит и не ходит, мины лежат.

– А они как проехали, на чём?

– На американских джипах...

– «Хамви»?

– Ну да, «хаммеры», широкие, переплыли речку слева от моста.

– В таком случае и мы там проедем, веди.

Парень выбрался из машины и шустро порысил по тропинке вдоль берега, сопровождаемый следовавшим за ним сержантом Волобуевым, включившим фонарь.

Брод нашёлся быстро, на берегу была видна колея проехавших здесь гусеничных и колёсных машин.

Проверили глубину реки, и одна за другой багги преодолели неширокое – всего двадцать метров – водное препятствие.

Минёры группы на всякий случай прошлись по берегу с украинской стороны, включив минные поисковики, ничего не обнаружили.

Фары передней багги высветили в полусотне метров сетчатую стену – знаменитую «стену Яценюка», призванную остановить армию России в случае войны.

– Они вас услышат, – неуверенно проговорил проводник.

– Не услышат, – улыбнулся Яшутин, – я слово знаю.

– Какое?

– Не шуметь!

Водитель командирской багги переключил режимы, и двигатель машины стал работать намного тише.

– Понял?

– Ага...

– Сколько отсюда до Колесниковки?

– Напрямую километров пятнадцать.

– Как поедем?

– Взгорочком до леса, вдоль посадок, потом оврагом...

– Проедем?

– Я тут всё в детстве исходил.

– Когда до села останется километра два, скажешь.

– Хорошо.

– Вперёд! – скомандовал Яшутин. – Всем «глаза» и «уши»! До моего приказа не стрелять! Фары на «ультра». Всем надеть ночники!

Отряд медленно проехал сквозь брешь в сетчатой трёхметровой стене и устремился вперёд, в темноту.

Ночь была беззвёздная, тёплая, северный ветерок приносил в кабины машин знакомые запахи трав, болотистых низин и сгоревшего сена. Рокот моторов багги, приглушённый специально разработанным для этого режимом (двигатели к тому же закрывались изнутри отражателями звука), был почти не слышен, и казалось, машины плывут, как древние челны, среди заросших травой и кустарником холмов.

Когда-то поля вокруг были засеяны пшеницей, рожью и подсолнечником, но с две тысячи четырнадцатого года никто окрест ничего не сажал, и унылый ночной пейзаж мало чем отличался от дневного, разве что ночь больше скрывала бедственное положение брошенной земли.

Через полчаса проводник напомнил о себе, прошептав сидевшему рядом лейтенанту:

– Дальше огороды... справа заброшенный овин... потом школа... не работает... а следом клуб.

– Откуда ты знаешь?

– Я родом из Югановки, всё здесь знаю. Бабушка здесь осталась.

– Стоп, железо! – скомандовал Яшутин. – Гургенидзе – на левый фланг! Кошкин – на правый! Я и Волобуев идём прямо. Машины по команде поставить на бугорок за оврагом, прикроете огнём, если понадобится. Не шуметь! Двинулись!

Группа разделилась, бойцы метнулись вправо и влево, поднимаясь из невысокого оврага навверх.

– А мне что делать? – прошептал проводник.

– Будешь ждать нас здесь.

Яшутин в сопровождении двух бойцов выбрался на край оврага, взялся за бинокль.

Колесниковка почти полностью лежала в темноте. Лишь у клуба, превращённого в казарму, горел фонарь, да где-то на другом конце села светили фары автомобиля. Рассвет вот-вот должен был начаться, но подобраться к селу ещё можно было, не привлекая ничьего внимания.

– Овин справа, командир! – прошепелестел в ухе голос замковзвода Чонаева.

– Вижу. Охрана?

– Подойдём поближе, отсюда не видать. Может, перепились, трудяги, думают, мы сюда не сунемся?

– Охват!

Бойцы слева и справа растворились в темноте.

Небосвод на востоке начал сереть, и Яшутин с тревогой подумал, что отступить придётся уже засветло.

– В темпе!

Никто не ответил, все знали своё дело.

Пять минут потребовалось отряду на окружение окраины села и крытого овина, в котором когда-то хранили сено или зерно. Теперь там сидели пленники, но из полуразрушенного здания не доносилось ни звука. Утомлённые событиями женщины и дети, очевидно, спали.

– Двое у ворот, – доложил Чонаев, – на телеге, не двигаются, скорее всего спят. Третий сидит на крылечке, сосёт из бутылки сивуху, судя по запахам. Вооружён, похоже – «калаш».

– Нависли! Минута до броска!

Яшутин бесшумно перебежал открытый лужок, прокрался вдоль ветхого деревянного забора к грудам досок и какого-то технологического мусора – покрышек, тележных колёс и осей, остова комбайна и ящиков. Овин стал виден как на ладони. У его левого края стоял крытый грузовик, судя по очертаниям – старый российский крытый «МАЗ». На нём и собирались перевезти пленников в глубь Украины перепившиеся похитители из батальона «Днепр».

– Начали!

Ночная оптика очков показала, как к овину метнулись зеленоватые текущие «призраки». Раздались удары, тихий сип, негромкие шлепки, возня, и всё стихло.

Понять, что происходит, сторожа овина не успели.

– Минус три! – доложил Чонаев.

Яшутин добежал до покосившегося крылечка перед овином, чуя, как рядом в двух шагах бежит техник группы Ризван Сабиров, отвечающий за работу оборудования спецкостюмов.

Тело боевика, пившего самогон, оттащили от крыльца.

Бойцы начали возиться с дверью, но она оказалась незапертой, воротину подпирали деревянный чурбан.

Дверь заскрипела, пропуская Яшутину и двух бойцов. В носшибанули спёртые запахи гнили, пота и мочи. Лучи фонарей выхватили из темноты кучи мусора и лежащих у стены на полу прижавшихся друг к другу людей. Одна из женщин не спала, привстала, прикрыв глаза рукой.

– Тихо, граждане! – выдохнул лейтенант. – Свои! Не кричите, не шумите, не переживайте, мы вас выведем. Вставайте. Сколько вас всего?

– Ой, наши! – подхватила женщина рядом.

Началась возня.

– Тише! – повторил Яшутин. – Нас слышат! Все здесь?

– Девять человек, – прошептала женщина, которая не спала, в сером платке. – Двоих увели, младшеньких.

– Кого?

– Люду и Валю, мои девоньки. – Женщина всхлипнула. – Им всего тринадцать и пятнадцать лет.

Яшутин сжал зубы.

– Кто увёл, куда?

– Главный ихний, бородатый, они его фюрером звали.

– Чёрт! Где он остановился?

– Мы не знаем... не видели, – раздалась робкие голоса.

– Волобуев, Колесников, выводите людей, доведёте до оврага – и назад. Чтоб мышью!

– Понял, – отозвался сержант. – Гражданки, выходим на цыпочках и топаем отсюда.

– Я не брошу дочек! – с тихим рыданием проговорила женщина в платке.

– Не волнуйтесь, мы их освободим, уходите вместе со всеми, вы нам не поможете.

Яшутин вышел из овина, с облегчением вдохнул свежий воздух, мимолётно подумав, что украинские «освободители» действуют так же, как их «доблестные» деды, служившие фашистам в годы Великой Отечественной войны.

– Чонаев, ищем хату главаря! Сабир, тащи сюда проводника.

– Не нужен проводник, командир, – сказал Чонаев, – хату наверняка охраняют лучше, да и «бэшки» с джипами там же стоят. Щас проверим.

– Вперёд!

Волобуев вместе с Колесниковым повели женщин в огороды, спускающиеся к оврагу. Остальные бойцы перебежками двинулись к центру села.

Наметился рассвет, край небосвода на востоке посветлел, хотя между домами и во дворах по-прежнему было темно.

Напомнил о себе оперативный центр Ось-три в Москве:

– Браво-один, доложите обстановку.

– Работаем, – ответил Яшутин. – Освободили девятерых захваченных, потерь нет, осталось двое. Вытащим и смоемся.

– Уходите немедленно! Из Югановки в Колесниковку направились три борта, «бэшка», автобус и «Хамви».

– Далеко?

– В пределах получаса.

– Успеем!

– Браво-один, приказываю...

Яшутин выключил рацию.

– Парни, шустрей, у нас всего минут пятнадцать!

Движение отряда ускорилось.

Через минуту обнаружили дом, возле которого стояли БТР и два бронированных джипа. Мотор одного из джипов работал, фары светили вдоль улицы. Водитель возился в кузове, что-то передвигая, гремя железяками.

– Две линии! – скомандовал Яшутин.

Группа разделилась. С десятков бойцов окружили «штаб» батальона (в его окнах свет не горел), образуя линию внешнего оцепления, остальные подкрались к застывшим автомобилям, готовые начать атаку.

– Арсен!

К джипу с работающим двигателем метнулась тень.

Возня в багажнике машины прекратилась.

К дому со всех сторон вынеслись ещё четыре тени.

Раздались глухие удары, шорохи, хрип.

Охранников было двое, оба они спали во дворе дома на охапках сена и проснуться не успели.

Яшутин и Сабилов, включив очки ночного видения, осторожно отодвинули скрипнувшую дощатую входную дверь, просочились в сени старого бревенчатого строения, возведённого, наверно, чуть ли не после войны, но сохранившегося благодаря каменному фундаменту.

Захрустело под ногами, но тихо: нога наступила не то на разбросанные по полу куриные кости, не то на осколки стекла.

Замерли, прислушиваясь.

В доме стояла недобрая тишина. Те, кто расположился здесь – командир разведвзвода и, возможно, его охрана, спали, хотя Яшутин чувствовал, что пленницы, точнее, дочери женщины в платке, лежат где-то скорчившись и не спят.

Он досчитал до семи, распахнул скрипнувшую дверь, и оба сквозь волну неприятных запахов ворвались в хату как огромные кошки, беззвучно и мягко. Яшутин замutilо: он обладал очень тонким обонянием.

Внутреннее пространство дома было разделено перегородками на три помещения.

Слева – нечто вроде кухоньки: плита, стол, лавка, справа – спальня, между ними проход в горницу, занимающую большую часть всей территории хаты. Оттуда доносился храп.

В спальне было тихо, но интуиция подсказывала, что в ней расположились два или три человека, и по неровному дыханию можно было судить, что кто-то из них не спит.

Яшутин сжал руку Сабирова, ткнул пальцем в горницу, себя в грудь и в спальню. Сержант кивнул.

Досчитав по привычке до семи, Яшутин вскинул кулак вверх, и они метнулись в комнаты согласно плану.

В небольшой спальне расположились трое.

На кровати лежал здоровенный раздетый мужчина, на боку, правой рукой прижимая к себе под простыней девчушку. Рот его был открыт, дышал он с присвистом, но не храпел.

Ещё одна девчушка сидела на полу под окном, прижав колени к груди, зябко кутаясь в рваное одеяльце. Она не спала, её трясло.

Впрочем, не спала и та, что лежала под простыней. Когда в спальню проник Яшутин, обе пошевелились, повернув к нему голову, и застыли. В свете фар джипа на улице было видно, как они вытягивают шеи, пытаются понять, что происходит.

Лейтенант покачал пальцем, призывая пленниц не шуметь, осторожно стянул с девочки простыню (она лежала полностью голая), помог ей слезть, махнул рукой к двери, давая понять – уходите.

Девчушка у окна зашевелилась, подобрала с пола одежду своей сестры, не спуская широко раскрытых глаз с «призрака», и обе медленно, как во сне, не веря в чудо, двинулись из спальни.

Детина на кровати зашевелился, потный, жутко воняющий, звучно глотнул, попытался нащупать рукой соседку, завозился, шлёпая широкой дланью по краю постели, привстал, и Константин нанёс ему удар рукоятью пистолета в переносицу, отбросивший бугая – это, наверно, и был командир батальона или взвода – к стене. Детина охнул и обмяк, раскидывая руки: удар сломал ему нос и вогнал кости переносицы в мозг. Умер он мгновенно.

«К сожалению!» – мелькнула мысль.

Секундой позже из горницы донёсся глухой стук, возня, тихий звон, хрип, и всё стихло. Яшутин вышел в горницу. Навстречу выскользнул Сабилов.

– Порядок, командир! Минус два.

– Уходим.

Девчушки, дрожа, ждали их в сенях. Одна торопливо натягивала на себя бельё и пла-
тьишко, а может быть, ночную рубашку.

– Всё хорошо, милые, – шепнул Яшутин, обнимая обеих за плечи. – Всё в порядке, скоро будете дома.

– Вы кто? – прошептала вторая девчушка.

– Ночные ангелы, – пошутил он.

– А мама? – жалобно проговорила первая, всё ещё дрожа.

– Мама уже с нами, ждёт вас, быстренько за мной.

Девчушки дружно заревели.

– Тихо, тихо! – прижал их к себе Константин, чувствуя в душе такую ненависть к похи-
тителям, что захотелось убить их ещё раз. – Не ревите, а то услышат бандиты! Надо бежать!

Выбрались из хаты, и отряд начал отступление, контролируя улицы и дома села, всё ещё погружённого в предутреннюю мглу. Через несколько минут Колесниковка осталась позади, не потревоженная ни одним выстрелом.

У оврага отряд встретил возбуждённый Волобуев.

– А мы уже хотели бежать к вам...

– Отставить, – сказал Яшутин, глядя, как обнимаются рыдающие женщины и девочки. Снова душу потянуло в темень ненависти, и прошло несколько секунд, прежде чем он справился с собой. – Рассаживайтесь.

– Эх, угрохать бы всю эту кодлу! – мечтательно проговорил Волобуев. – Один залп – и от деревни одни головешки останутся.

– Там полно мирных жителей, – пробурчал Чонаев.

– Да понимаю.

– По машинам! – Яшутин связался с центром. – Ось-три, отходим, потерь нет, пленники освобождены. Как далеко эсвэушная колонна?

– В пяти минутах от села, быстро линяйте! – рявкнул дежурный оператор центра. – Голову оторву! Вяжетесь в бой – пойдёте под трибунал!

Яшутин сел в головную багги, и отряд устремился прочь от села, жители которого так и не поняли, кто наведался к ним и зачем.

Проволочную стену пересекли в половине шестого утра, когда рассвет уже окончательно высветлил небосвод. Ещё через несколько минут перебрались через Деркул на российский сторону, где отряд ждали пограничники. И только после этого издалека донеслись

частые хлопки: боевики разведвзвода Нацгвардии отреагировали на освобождение пленниц стрельбой из всех видов оружия.

Освобождённых, не успевших прийти в себя женщин оставили на хуторе, где уже начали размещаться прибывшие полицейские из ближайшего районного отделения и армейская рота из Краснодона, начавшая вместе с пограничниками устанавливать посты на границе, по берегу Деркула.

Отдохнуть бойцам Яшутин не дал. Пообщался с представителями Минобороны и полиции, выдержал поцелуи и объятия спасённых женщин, и отряд на багги отправился обратно в Миллерово, к месту дислокации. В девять часов утра все багги вернулись в расположение гарнизона, и Яшутин отдал команду бойцам отдыхать.

Ярцев и Ващекин ждали его в штабе гарнизона. Капитан вышел из-за стола, пожал руку, заглянул в глаза.

– Молодец, лейтенант, хорошо справился. СБУ завопило о переходе границы российской армией, но следов никаких. Кроме шести трупов. Нельзя было обойтись?

– Нас там не было, – пожал плечами Константин.

Ярцев перестал что-то писать на листе бумаги, посмотрел на него с неопределённым выражением лица.

– Надо было обойтись без жертв. Центр жалуется... на неподчинение приказу немедленно покинуть территорию сопредельного государства.

– «Укропы» захватили одиннадцать человек, среди них было две девочки, которых увёл к себе командир РДВ. Он их изнасиловал. Мы не могли бросить их на растерзание этому зверью.

– А если бы подросла подмога Нацгвардии? Представляешь последствия?

Яшутин не отвёл глаз.

– Представляю. Но мы успели.

– Надо было исполнять приказ.

– Виктор Кузьмич, не гноби парня, – хмуро сказал Ващекин. – На его месте я поступил бы точно так же.

Полковник посмотрел на него, шевеля губами, потёр подбородок мясистой ладонью.

– Не хватало только большой резни... ладно, лейтенант, будем настаивать на том, что нас там не было. Среди бандитов просто начались разборки, отсюда и трупы. Велено отстранить тебя от несения службы и ждать комиссии из Москвы. Кому-то не понравилась твоя самостоятельность.

– Виктор Кузьмич... – начал Ващекин.

Ярцев поморщился:

– Что – Виктор Кузьмич? Отвечать нам обоим. Бред какой-то! Сначала требуют исполнения, потом... Ладно, лейтенант, моим приказом получаешь отпуск на десять дней – для лечения и восстановления здоровья. Езжай домой или к родственникам, хоть к чёрту на кулички, но чтоб через час тебя в расположении части не было.

– Отпуск? – удивился Яшутин.

– На время, пока всё не утихнет и центр забудет о тебе. Мы тут придумаем что-нибудь. Семья у тебя в Подмосковье, насколько мне помнится?

– У отца домик по Дмитровке.

– Вот и езжай к нему. Понадобишься раньше, мы тебя вызовем.

Не ожидавший такого поворота событий Константин не сразу нашёл, что ответить. Хотя спустя мгновение обрадовался: в отпуске он не был больше года.

– Как скажете, товарищ полковник, спасибо.

– Благодарить будешь после, когда в столице забудут о твоём проступке. Свободен.

Яшутин вытянулся, чётко повернулся через левое плечо, пошёл к двери и услышал голос Ващекина:

– Собирайся, я к тебе зайду через десять минут.

Офицеры гарнизона жили прямо на его территории, в офицерском общежитии. Была своя комната и у Константина, по-спартански простая и небольшая, но удобная – со своим санузлом. Ничего лишнего в ней не было. Константин не любил засилья вещей, гардероб имел небольшой, и кроме кровати, столика и двух стульев его жилплощадь украшали только новенький телевизор да терракотовая статуэтка волка на подставке, подаренная сослуживцами в день рождения; четыре дня назад ему исполнилось ровно двадцать пять лет. Собрался он быстро, вызвал Сабирова, сообщил сержанту о решении полковника и дождался Ващекина.

– Ты извини, что так получилось, – смущённо проговорил капитан. – Твой рейд на самом деле на орден тянет, да пересрал кто-то в центре из господ командиров. Сначала дали отмашку на операцию, а потом испугались последствий.

– Не могу комментировать, – бесстрастно сказал Яшутин, глядя на Ващекина сверху вниз; он был выше его почти на голову.

– Да и не надо, – махнул рукой капитан. – Дело ты сделал великолепно, когда-нибудь оценим, а шесть трупов... так ведь никто не заставлял «укропов» заниматься небогоугодным делом – похищением наших женщин и девочек. И ради чего! Хорошо, что мы уложили бандитов, будут уважать. Достоверно известно, что этому взводу Нацгвардии поставили задачу устроить провокацию на границе, в треугольнике ЛНР – Россия – Украина, чтобы обвинить луганчан и нас. А так как, по данным разведки, эти головорезы давно занимаются продажей людей на органы, то и здесь они решили провернуть ту же операцию. Так что всё ты сделал правильно. Деньги есть?

– В общем-то... а что?

– Когда деньги есть, легче соглашаться, что не в них счастье, – рассмеялся Ващекин. – Если что, могу одолжить.

– Спасибо, товарищ капитан, обойдусь.

– В таком случае всех благ! Моя «Нива» в твоём распоряжении, подвезёт до станции. – Капитан сунул руку Константину и вышел.

Яшутин собрал сумку, вдруг почуввав порыв радости: свободен! Свободен от всех обязательств! Пусть всего на две недели, но свободен! Захотелось залихватски свистнуть.

Он выпятил было губы, но зазвонил мобильный.

Константин опомнился, глянул на экранчик айфона: звонила сестра Зина.

– Привет, Зинуля. Давно не слышал твоего приятного голоса. Что так рано звонишь?

– Костик, родной... – Голос сестры прервался, она задышала чаще, пытаясь справиться с собой, – помоги!

Сердце дало сбой. Зина была старше его на пять лет, жила в подмосковном Митяеве, одна, без мужа, с тремя детьми, и приходилось ей несладко. На ум пришло, что он звонит ей редко, а приезжает и того реже.

– Что случилось?

– У меня детей забрали! – зарыдала Зинаида.

– Как забрали? – не понял Константин. – Кто?!

– Органы опеки... вчера вечером...

– За что?!

– Соседи наврали, что я за ними не слежу и им есть нечего. Приехали трое, посмотрели – якобы в холодильнике ничего нет из еды, и забрали. – Зина снова заплакала.

– Тихо, тихо, сестрёнка, – пробормотал он, переживая не меньший шок. – Всё можно поправить, не переживай, я скоро приеду.

– Когда?
– Как раз собирался выезжать, к обеду буду у тебя.
– Ой, Костенька, жду тебя как бога!
– Какой я бог, – невольно улыбнулся он, – обыкновенный военнослужащий. Жди, разберёмся.

Выключив телефон, он слепо уставился в окно, успокаивая сердце, и погрозил кулаком небу, не подозревая, что вступает на тропу войны с сильнейшей мафией на Земле – бюрократической.

Композиция 5

Калёнов

Подмосковье, Верея

Майское утро для Максима Олеговича Калёнова, полковника ГРУ в отставке, началось как обычно с пробежки вдоль набережной реки Протвы. Жил он в Верее более пятнадцати лет и своей привычке не изменял никогда, ни в дождь, ни в лютые морозы.

Калёнову в июне должно было исполниться шестьдесят девять лет, но выглядел он, несмотря на полное отсутствие волос на голове (примерно лет двадцать назад он стал брить голову наголо), пятидесятилетним и производил впечатление человека, которого лучше не задевать. Высокий (метр девяносто пять), широкоплечий, не потерявший ни подвижности, ни гибкости, ни силы, он являл собой пример мужчины, отвечающего за свои слова. Про таких говорят – лучше быть их друзьями! И Калёнов вполне заслуживал такой оценки.

У него было твёрдое лицо смелой мужской лепки, твёрдые прямые губы, синие глаза и прямые седые брови. Подкачал в твёрдости лишь нос – не туфля и не картошка, но всё же не слишком серьёзная деталь во всём интерьере, зато при улыбке эта деталь добавляла доброты лицу, и редко кто мог удержаться от улыбки в ответ.

Жил Максим Олегович в пятиэтажке на Второй Набережной улице, недалеко от церкви Богоявления. Квартира принадлежала старшему брату Калёнова Дмитрию, а переехал он в Верею из Москвы, когда брат умер в восемьдесят три года, а сам он уволился в запас. Дети Дмитрия давно жили отдельно, дочь в Санкт-Петербурге, сын в Сочи, и менять место жительства не захотели.

В те времена Калёнов ещё жил с женой Мариной Ильиничной, младше его на пять лет, и примерно два года они отстраивали новое жильё, стараясь преодолеть возникшие разногласия. Однако трещина, возникшая между ними ещё в те годы, когда он служил в Главном Управлении разведки Минобороны (что говорить, он сам был виноват), постепенно росла и достигла той стадии, когда жить вместе стало невозможно. И они разошлись. Марина Ильинична уехала обратно в столицу, к дочери, а он остался в Верее и после увольнения в запас устроился начальником охраны верейского пансионата «Акварели».

Верея ему понравилась. Это был небольшой городок в Наро-Фоминском районе Московской губернии, расположенный в сорока километрах от Наро-Фоминска и в ста десяти километрах от Москвы. Жителей в нём насчитывалось чуть больше пяти тысяч человек. Основан город был в тысяча триста семьдесят первом году, а название получил, по одной из версий, в соответствии с названием столбов, на которые навешиваются створки ворот. По другой версии, верейей назывался небольшой участок земли или леса либо клин поля.

За время, прошедшее с момента переселения, Калёнов исходил городок, что называется, вдоль и поперёк и знал все его природные и архитектурные достопримечательности. Хотя по церквям, – а их в городе насчитывалось больше десятка, – не ходил, поклоняясь более древним, нежели Иисус Христос, ведическим богам.

Кроме того, что он уже почти десять лет руководил охраной пансионата «Акварели», Максим Олегович имел «тайную страсть», а именно – коллекционировал печати из поделочных пород, стекла и хрусталя. Никто его этому не учил, ни отец, ни дед, а сам Максим Олегович увлёкся «печатным хобби» случайно, когда ему в Екатеринбурге во время командировки подарили копию печати «Архимандрит Ниль» из горного хрусталя. Заинтересовавшись изделием, дома он залез в Интернет, узнал, что первая в России печать была вырезана

из агата аж в тысяча семьсот восемьдесят втором году для Приказа общественного присутствия Пермского наместничества, и с тех пор погрузился в коллекционирование с головой, добывая печати во всех уголках страны и за рубежом. К нынешнему времени его коллекция состояла более чем из четырёхсот изделий этого вида, причём не только сувенирного производства, но что ни на есть реального прикладного происхождения, среди которых были и такие шедевры, как найденная в ломбарде Новгорода немецкая печать «К. К. Гортъ де Гроттъ» из розового кварца.

Калёнов не удержался, открыл дверцу стеклянного шкафа, – всего их было четыре, он заказывал шкафы специально, – потёр пальцем фигурку медведя, вырезанную из цельного штуфа малахита, нос которого тоже являлся печатью «Уральский камнерез», на удачу, закрыл и начал одеваться.

Без пяти минут восемь он был уже в пансионате, от дома до территории которого было всего девять километров.

Пансионат «Акварели» построили в начале века, и к двадцатым годам он приобрёл известность не только среди местных жителей, но и в районе, и в области, и по всей России благодаря прекрасному расположению: смешанный ухоженный лес, река, луга, пруды, чистота, порядок, – и развитому сервису с бесплатным вай-фаем. На его территории располагалось восемнадцать коттеджей разного уровня, был даже один именной суперлюкс – Фудзи, и отдыхать в пансионате могли одновременно до ста пятидесяти человек. Ехали сюда действительно отовсюду, даже с севера, и пансионат считался прекрасным местом для семейного отдыха.

Поставив машину на крытую стоянку для служебных авто (Максим Олегович ездил на белом купе «Хёндэ Кисс» очень приличного качества и дизайна), он первым делом обошёл территорию, выглядывая «непорядок» и привычно не находя причин для разноса подчинённых, затем вернулся в свой кабинетик в служебном флигеле, рядом с помещением охраны, имеющем хорошо оснащённый комплекс наблюдения. После чего занялся рутинными делами, которых всегда хватало.

Надо было кое-что подремонтировать на границах подконтрольной территории, заменить пару телекамер, залатать порванную кабаном сетку на южном участке, откорректировать расписание дежурств на май, обсудить с замом, бывшим военным, план мероприятий по улучшению качества охраны, и так далее, и тому подобное. К счастью, Калёнов давно отладил систему обеспечения безопасности отдыхающих, подобрав штат опытных охранников, коих на весь пансионат насчитывалось больше двух десятков человек, и мог не беспокоиться насчёт возникновения инцидентов на его территории. Система контроля и связи пансионата позволяла реагировать на любые проявления некорректного поведения отдыхающих (случалось и такое), а также на попытки несанкционированного проникновения на территорию. В распоряжении охраны имелись электромобильчики «Итало», вмещавшие до четырёх человек, и при необходимости на них можно было пересечь территорию пансионата по диагонали за две-три минуты.

В одиннадцать часов утра Калёнова вызвал к себе директор пансионата.

Максим Олегович выключил компьютер, вышел из флигеля, добрался до главного корпуса заведения и открыл дверь приёмной.

– Заходите, Максим Олегович, – сказала секретарша директора Тоня, – ждёт.

Калёнов вошёл в просторный светлый кабинет руководителя пансионата, окнами выходящий в лес.

Директор «Акварелей» Валерий Романович Симанчук разговаривал с кем-то по мобильному. Сделал знак начальнику охраны: входи. Был он тучен, громаден, как борец сумо, и малоподвижен. Ему исполнилось пятьдесят семь лет, но выглядел он старше лет на десять, контрастно отличаясь от Максима Олеговича, который был старше, но выглядел

моложе. Последние лет пятнадцать Симанчук боролся с полнотой, но борьба шла с переменным успехом, и стоило ему скинуть десяток килограммов, как организм начинал отказываться от активного образа жизни, а вовсе не наоборот, как обещали медики. Грань консенсуса между мерой похудения и полнотой Валерий Романович так и не нашёл.

Калёнов сел на стул, разглядывая лицо директора. Судя по опущенным уголкам губ, настроение у Симанчука было минорное, а землистый цвет лица говорил о том, что в борьбе с недугом он терпит очередное поражение.

– Я вас понял, Сергей Сергеевич, – закончил разговор Валерий Романович, наливаясь кровью. – Никого я выселять не буду! Человек заселился до двадцатого мая и будет проживать в этом номере по праву. Нет, не боюсь, вы не генеральный прокурор, а я не ваш слуга. Как вам будет угодно, делайте выводы. Всего хорошего.

Симанчук поднял телефон над головой, словно собираясь бросить его на пол, но сдержался. Помял ладонью лицо, приходя в себя, криво усмехнулся в ответ на оценивающий взгляд Калёнова.

– Мэр Наро-Фоминска... пообещал кому-то в верхах отдых в нашем уголке, требует освободить Фудзи.

– Там же поселился товарищ из Мурманска, с женой и ребёнком.

– Бригадир арктических строителей Колычев.

– Что будешь делать? Наро-фоминский мэр известен как приближённая к премьеру персона. Пожалуетя.

– Да пусть жалуется, хоть к самому президенту идёт на приём, мы не в концлагере живём. Хотя, если честно, в очередной раз я, гражданин и патриот России, страны, для которой я кое-что сделал в жизни и готов за неё драться с любым врагом, убеждаюсь в том, что она спокойно может вышвырнуть меня на свалку! И я бессилён перед чиновничьим хамьём и быдлом, уверенным в своей исключительности и безнаказанности, в праве распоряжаться моей судьбой. Им наплевать на всё, чем я дорожу. Понимаешь?

– Понимаю, – сочувственно кивнул Калёнов. – Что у тебя произошло, кроме этого разговора? – Он показал глазами на смартфон в руке директора.

Симанчук бросил его на стол, достал из небольшого бара бутылку минеральной воды, налил полстакана, выпил. Лицо его стало ещё угрюмей.

– Да есть проблема...

– Поделишься?

– У тебя ведь тоже есть внуки.

– Старшему уже за двадцать, работает, второй учится. Младшая Степанида восьми лет от роду.

– Вот и у меня внук... и с ним беда. Не хочу тебя грузить, Олегыч.

– Нет такого слабого человека, – улыбнулся Калёнов, – который был бы не в состоянии перенести чужого несчастья. Рассказывай, я перегрузок не боюсь, а может быть, и помогу чем. Что с внуком? Не дай бог, в ИГИЛ вовлекли?

Симанчук поморщился.

– Попробовали бы нас в советские времена завербовать в ИГИЛ! Помню своё детство: ни у меня, ни у моих родителей, простых людей из российской глубинки, не было ни малейших сомнений в том, что СССР – самое справедливое в мире государство. Каждый пацан знал, что надо учиться, учиться и учиться! Что служба в армии – почётная обязанность, что книги и спорт – это хорошо, а богатство и вседозволенность – плохо! А что сейчас?

– Четвёртая технологическая революция, – усмехнулся Калёнов. – Сумасшедший поток информации и куча соблазнов.

Валерий Романович снова поморщился.

– Вот-вот, именно что сплошные соблазны. Мы напрочь утратили авторитет в глазах детей. То, что мы знаем и умеем, для наших продвинутых потомков – отстой, наша жизнь им кажется абсолютно неинтересной, а наш опыт – ненужным. Вместо того чтобы почитать умную интересную книжку, они сутками пялятся в экраны компьютеров и находят там всё, что совершенно не полезно!

– Я где-то читал, что у молодёжи внимание концентрируется на одном объекте всего на восемь секунд. Причём им предпочтительна визуальная информация – фотки, смайлики, таблицы и картинки. Книжки для них – демотиваторы, с ними же работать нужно, напрягать мозги.

– Вот и получаем в результате проблемы, юзерную «серую слизь» вместо добрых детишек.

– Да что случилось, Валерий Романович?

– Ты что-нибудь про «Синего кита» слышал?

Калёнов задумался.

– Что-то такое помнится... некое интернет-сообщество...

– Это суицидальный сайт, формирующий в Интернете так называемые «группы смерти».

– Верно, вспомнил, в начале десятых шум пошёл. Но ведь этого «Синего кита» взяли за глотку, заблокировали.

– Зато ему на смену пришёл другой такой же – «Розовый слон». Похитрей и помасштабней.

– О «Слоне» не слышал. В игрушки я не играю, в Сети не сижу. В чём проблема?

– Внук. – Симанчук сделал большой глоток минералки, отставил стакан. – Ванька.

Калёнов подождал продолжения.

– Я его видел в пансионате пару раз, мы даже разговаривали. Сколько ему?

– Четырнадцать, учится в восьмом классе.

– Нормальный парень с виду...

Валерий Романович тяжело задышал, подождал, пока отпустило, махнул рукой.

– Нормальный... как будто... сын с невесткой дали волю, оставили парня практически без контроля, вот он и сидит безвылазно в компьютере. А недавно обнаружилось, что Ванька числится в «группе смерти». Объяснить, что это такое?

Калёнов помолчал.

– Каким образом Иван туда затесался? Я слышал, там тусуются дети из неблагополучных семей.

– Как раз по большей части из благополучных, – фыркнул директор. – Статистика есть. Иван никогда ни в чём не нуждался, – Валерий Романович скривил губы, – кроме разве что внимания. Каюсь, я тоже виноват, мало с ним занимался. Вот и приходится теперь расплачиваться.

– Но он же не стал следовать... э-э, советам?

– Вчера вечером еле успели снять с крыши девятиэтажки. Хотел прыгнуть.

Калёнов нахмурился.

– Сюрприз, однако...

– Сижу вот как на иголках, к обеду поеду к сыну, они все сегодня дома, психолога вызвали, трясутся.

– Представляю. – Калёнов подумал о своём собственном внуке Павле, которому тоже недавно исполнилось четырнадцать лет. Господи, мелькнула мысль, чашу эту мимо пронеси! – Ты в полицию заявлял?

– Нет, да и какой смысл? Мой приятель-юрист говорит, что эти «группы смерти» растут как головы у дракона: одну срубишь – две другие вырастают.

- Странно, что такие игрушки становятся востребованными.
- Да не игрушки это, кое-что посерьёзней, целая программа существует по вовлечению молодёжи в криминал, и я не слышал, чтобы кураторов-администраторов ловили и сажали.
- Не сажать их надо, а стрелять.
- Кто бы возражал.
- Калёнов помолчал, размышляя, чем он может помочь директору пансионата, которого давно считал своим другом.
- Я всё же обратился бы в полицию. Они должны заниматься такими делами.
- Сообщил одному знакомому в УБЭП, но вряд ли там помогут. Кураторы, организующие «группы смерти», шифруются так, что их хрен найдёшь, а если кого и находят, то оказывается, что нет таких законов, по которым их деятельность подлежит уголовному преследованию. Да и адвокаты у них такие, что любого киллера от виселицы отмажут.
- Это правда, – невесело согласился Калёнов. – Диву даёшься, с каким рвением, энергией и готовностью адвокаты защищают бандитов. Иногда кажется, что они сами из этой среды.
- Недаром говорят, что самое извращённое понятие о справедливости у адвокатов. Не знаю, что делать, Олегич. Поеду, поговорю, но едва ли успокою кого, тем более – самого Ваньку.
- С чего это у него возникла тяга к смерти?
- Да чёрт его знает! Не было ни малейших предпосылок. Вергилий сказал...
- Кто?
- Приятель-юрист, так его зовут, сказал, что тяга к суициду у подростков сама по себе не возникает, её провоцируют специально. По сути, это элемент гибридной войны Запада с Россией.
- Так серьёзно?
- А ты думал! С нами воюют на всех фронтах, кругом одни враги! По словам Вергилия, благодаря кураторам «Розового слона» достигается три цели: первая – довести демографическую тенденцию до точки невозврата, чтобы под благовидным предлогом «сохранения численности населения» призвать на поселение в Россию всю Азию. Вторая – поколебать и возбудить общественное сознание, заставить родителей контролировать каждый шаг ребёнка. И третья цель – подбить как можно большее количество детей на экстремальные эксперименты.
- Умный у тебя приятель.
- Вергилий советник юстиции первого класса, работал в МИДе. Знает, что говорит.
- Пиши заявление в полицию, пусть ищут того подонка, который подбивал пацанов, в том числе Ивана, к суициду.
- Подумаю, может, и напишу. Тут к нам делегация местных органов опеки планирует заселиться, а я вынужден заниматься семьёй.
- Это вопрос жизни и смерти, Валера. Если хочешь, я встречу делегацию, повожу по пансионату. А лучше давай я к твоим съезжу, побеседую с пацаном. Я найду, чем его заинтересовать.
- Сможешь, правда? – с надеждой посмотрел на него Валерий Романович.
- Без проблем. К тому же мы с Иваном встречались, о спецназе разговаривали. Я найду тему.
- Слушай, буду страшно благодарен! – обрадовался Валерий Романович. – Я тоже подъеду к Роме, но к вечеру; глядишь, и разрядим обстановку.
- Без проблем, через полчаса буду у вас, предупреди сына, что я приеду.
- Непременно, оповещу и буду ждать твоего возвращения.

Калёнов вернулся к себе во флигель, подсел к компьютеру, вывел на экран нужные аккаунты и бегло ознакомился с материалами по «Розовому слону».

Проблема оказалась серьёзней, чем он себе представлял.

«Группы смерти» в среде подростков действительно возникали как грибы после дождя. Общение в Интернете и социальных сетях приводило к искажению самосознания молодых парней и девчонок, к разрушению представлений о себе как о личности, и масштаб процесса достиг таких величин, что начал реально представлять угрозу национальной безопасности России.

В то же время обширные пространства Интернета практически ничего не предлагали взамен, не считая порносайтов и завлекаловок «чёрных дилеров» «курнуть спайса для обретения истинной свободы», а о выявлении и тем более изобличении администраторов «групп смерти» вообще почти ничего не сообщалось. Калёнов нашёл лишь одно-единственное сообщение о задержании двух граждан Украины, укрывавшихся на территории России под видом гастарбайтеров, которые год назад довели до самоубийства детей одиннадцати-двенадцати лет. Похоже, правоохранные органы если и занимались поиском «гуру смерти», то нерегулярно либо из-под палки. Борьба с «синими китами» и «розовыми слонами» требовала много сил, времени и средств, а отдача была мизерная.

Узнал Максим Олегович и чем отличаются кураторы от других пользователей Сети. Это были люди преимущественно психически нездоровые, желающие отомстить всему миру за свою ущербность, наказать общество за невнимание к ним, продемонстрировать свою псевдозначимость, свою силу и узнаваемость в соцсетях, а что касается граждан Украины – ещё и убить детей врага. Все они хотели получить известность в своём нищенском кругу, признание «заслуг» и удовольствие от осознания вседозволенности. При этом руководили ими люди иного уровня и масштаба.

Если куратор по сути своей являлся пешкой в руках истинных программаторов «ликвидации личности», так как чаще всего не был востребован в процессе и по большому счёту никому не нужен, то вся с и с т е м а воздействия на молодые психики разрабатывалась деятелями поумней и посерьёзней, теми, кто достиг некоего властного положения, способными не просто «юзать пальцами по клавише», но и создавать инструкции и шаблоны по обработке сознания.

Особенное впечатление на Максима Олеговича произвело резюме министра культуры о причинах распространения суицидальных сайтов и рекомендациях, как с ними бороться. Начал он правильно, отметив, что современные дети давно реализуются в виртуальном пространстве в режиме онлайн, что находит отражение и в особенностях личностного развития, и в отказе от прямого общения с окружающими, в том числе с родителями и друзьями. Но закончил министр выводом, что детям надо дать больше свободы, больше демократии, а не запрещать им игры и машинное общение, так как это «ведёт к провоцированию страхов и снижению интеллекта и эмоционального восприятия».

Пока ехал к семье сына Симанчука, Калёнов размышлял о проблемах воспитания и прикидывал, что скажет Ивану, чтобы это подействовало. Надо было тонко отвлечь парня от суицидального настроения и предложить вместо «прозы жизни» идею, ради которой не только стоило сойти со «смертельной колеи», но и обрести интерес к активной жизни.

Семья Симанчука-младшего жила в трёхкомнатной квартирке жилой площадью всего в сорок шесть квадратных метров в доме на улице Первой Советской. Поставив машину на улице, Максим Олегович нажал кнопку с номером 12 на домофоне, ему открыли дверь, и он поднялся на третий этаж.

Сына директора, Романа, Калёнов знал давно, а вот его жену Людмилу – Люсю, как она представилась, увидел впервые. Старший Симанчук их уже предупредил, и встретили гостя тепло.

– Извините, что мы пригласили вас по такому поводу, – виновато проговорила мать Ивана, полненькая брюнетка приятных форм; глаза у неё были невесёлые, заплаканные.

– Ничего, всё будет хорошо, – успокоил её Максим Олегович дежурной фразой.

– Мы не думали, что Ваня так увлечётся...

– «Игрой в смерть»? – понизил голос Калёнов. – Не он один, к сожалению. До сего времени я даже не догадывался о масштабах проблемы.

– Надо было больше его контролировать, – нервно сказал Роман, худенький, вихрастый, небольшого роста, с детским выражением горестного недоумения на лице. – Ты ему всё разрешала.

– А ты куда смотрел?

– Я работаю...

– Я тоже работаю.

– Ничего, поборемся с этой бедой вместе, – прервал молодых людей Калёнов. – Где он? Люся и Роман одновременно посмотрели на закрытую стеклянную дверь гостиной.

– С ним психолог беседует, – сказал Роман.

– Кто он?

– Отец вызывал, говорит, хороший специалист, работает в первой поликлинике.

– Кем?

– Детским психологом.

– В таком случае он должен знать проблему.

– Проходите на кухню, – спохватилась Люся, – посидим, чайку попьем. Или кофе, если хотите.

– Спасибо, не откажусь.

Сели втроём на кухне, переглядываясь и прислушиваясь к доносившимся из-за двери гостиной невнятным голосам. Люся запустила кофемашину.

– Расскажите, чем Иван увлекается, – сказал Максим Олегович.

– Да, в общем, ничем, – признался узколицый лобастый Роман; когда он кривил губы, сходство с отцом бросалось в глаза. – Учится хорошо, но ни к чему не тянется, математику-физику не любит, да и лирику тоже, как говорится.

– Читает много, – с укором возразила Люся.

– Книжки?

– Нет, у него в смарте закачаны тексты.

– Что читает?

– Фэнтези в основном, его любимая тема – чёрная магия, страшилки, «ночные дозоры».

– Понятно, не слишком приятный выбор. Есть намного более интересные вещи. Мой внук Павел тоже с экрана читает, но больше любит космические саги, приключения и звёздные войны, мечтает поселиться на Марсе.

– На мой взгляд, это тоже идея из области некромантии, – скептически заметил Роман. – Психи собирают команду для полёта туда, а другие психи готовы отправиться.

– Ну, я думаю, Пашка одумается, – спокойно сказал Калёнов.

– Я, к сожалению, не сразу поняла, что Ваня слишком близко принимает к сердцу эту чушь, – смутилась Люся.

– А надо было! – взвился Роман, но посмотрел на жену и осёкся, отвёл тоскливые глаза. – Да и я хорош, ничего не замечал. Всё было нормально, Ванька вёл себя хорошо. Кто ж знал, что он увлечётся «Розовым слоном»?

Калёнов промолчал. Вина родителей Ивана выглядела очевидной, дети и в самом деле склонны искать компании, где их понимают и принимают, при недостатке внимания со стороны взрослых, родителей и воспитателей, но далеко не каждый ребёнок выбирал для

самореализации «группу смерти», даже из вовсе обделённых любовью со стороны близких людей.

– А у вас чем внуки занимаются? – спросила немного успокоившаяся Люся.

– У меня двое внуков и внучка. Пока бабушка была с нами, то есть моя жена, пацаны в основном были на её обеспечении. В планетарий с ней ходили, на занятия спортом, а потом как-то с ними всё родители больше. Да и живут они не в Верее, а в Питере и в Рязани.

– Что случилось с вашей женой?

– Разошлись, – коротко ответил Калёнов.

– Хорошо! – вырвалось у женщины; она встретила озадаченный взгляд Максима Олеговича, густо покраснела. – Извините, я имела в виду – хорошо, что не умерла...

Калёнов усмехнулся.

– Да, к счастью, с ней всё в порядке.

– А почему вы разошлись? – любопытствовал Роман. – Не сошлись характерами?

– Как вам сказать? Прожили вместе тридцать лет... ничего особенного не произошло... но судила она обо всём односторонне, по внешним признакам.

– Как это?

– Если я повышал голос, – каюсь, было, – Мария констатировала этот факт как признание моей вины, не анализируя причины, хотя зачастую сама была неправа. Кричишь? Значит, виноват. И так во всём, а с годами эта тенденция только усиливалась.

– И всё? – удивился Роман. – Вы разошлись только из-за её обвинений?

– Ну, не только, всякое бывало, я по полгода не бывал дома, что тоже воспринималось не позитивно, однако её железобетонное мнение, что она права во всём и всегда, сыграло немалую роль. Я уже четырнадцать лет живу один.

– Больше не женились?

– Нет.

– Вот! – наставил Роман палец на супругу. – Ты тоже слишком часто меня пилишь!

Ответить женщина не успела: дверь в гостиную распахнулась, и оттуда вышел невысокий худой мужчина с лицом уставшего доброго папы Карло, отца Буратино. Одет он был в неожиданный для человека его профессии легкомысленный молодёжный костюм: драные джинсы, светлая курточка со множеством заклёпок, замочков и кармашков, и голубая футболка с весёлым дракончиком на груди. Впрочем, подумал Калёнов, может быть, именно такой наряд и способен вызвать доверие у четырнадцатилетнего пацана.

– Я бы вам кое-что порекомендовал, – голосом дежурного врача проговорил мужчина, пряча в карман куртки айфон. – Мальчик ни в чём не раскаивается, и это настораживает. Будьте с ним поосторожнее, он очень внушаем. И хотя он не считает себя одиноким и брошенным, общаться со взрослыми не хочет. Запрещать пользоваться компьютером не нужно, однако ограничить доступ к соцсетям необходимо, особенно «ВКонтакте». Бот «Розового слона» продолжает смущать неокрепшие души.

– Кто? – переспросила Люся.

– Робот, распространяющий письма-маркеры для потенциальных самоубийц.

Люся переменилась в лице.

Калёнов взял психолога под локоть, отвёл в сторонку.

– Выбирайте слова, товарищ... как вас там?

– Игорь Моисеевич.

– Игорь Моисеевич, они сейчас в таком состоянии, что и сердечный приступ могут получить.

– Извините, не сообразил. Вы кто?

– Друг семьи. И у меня к вам есть пара вопросов.

– Можно я к Ване пойду? – робко спросила Люся.

– Конечно, идите.

Мать Ивана ушла в гостиную. За ней бочком протиснулся и Роман.

Калёнов проводил их глазами.

– Пойдёмте на кухню, поговорим.

– Вряд ли я вас обрадую.

– В принципе, я и не надеюсь особо.

Прошли на кухню, сели на стулья с металлическими спинками.

– Слушаю вас.

– Это серьёзно? – Калёнов кивнул на стену, отделявшую кухню от гостиной. – Психика у парня выдержит?

– Боюсь, ему потребуется не только уход, но и лечение. Он полностью погружён в эту псевдоигру...

– Со смертельным исходом.

Психолог кивнул.

– Дело зашло слишком далеко. Подонок, разработчик бота, втянувший парня в сообщество потенциальных самоубийц, нашёл нужные струны. Иван очень впечатлительный, тихий и ранимый подросток, а родители, похоже, не поняли, что с ним надо вести себя по-другому. Я им об этом скажу. В школе у него давно возникли проблемы со сверстниками, они его, как оказалось, затретиrowали, запугали, в чём он признаваться родителям побоялся, вот и нашёл нишу, где его ждут с распростёртыми объятиями. Началось всё со стишков, а кончилось... – Игорь Моисеевич помолчал, – попыткой свести счёты с жизнью. Парень не понял, что жизнь – не компьютерная игра, она реально даётся человеку один раз.

– Вы говорите – началось со стишков...

– Эта «игра» начинается именно с постинга стихов, предлагаемых детям с неокрепшей психикой. К примеру, посев стиха-маркера с призывом «уйти в туман» собрал рекордное количество откликов за одни сутки – более сорока тысяч! Казалось бы – подумаешь, безобидный стих, но ведь на него реагируют?

– Можете процитировать?

Игорь Моисеевич потёр лоб ладонью.

– Дурацкий текст, признаться. Что-то типа: «Розовый слон» пришёл, в розовый туман увёл, где ждут тебя в игре, где легко и привольно, где тебе не будет больно».

– Бред!

– Согласен, но увы – это р а б о т а е т! Мы имеем дело с психоделикой, меняющей психологию поведения детей. По сути схема работы всех этих «китов» и «слонов» строится по тем же лекалам, что и работа вербовщиков ИГИЛ.

– Серьёзно?

– Я слежу за процессом и пытаюсь помочь, но силы не равны. При помощи «групп смерти» обкатываются способы вербовки кого угодно, от послушных покупателей всякого дерьма до агентов спецслужб и террористов-смертников. А кураторы к тому же в последнее время научились применять веерный мониторинг: девяносто пять процентов безголовых юзеров не обращает внимания на призывы «поиграть», но пять – клюют! А по закону можно заблокировать только сайт с явно противоправным контентом, предлагаемые «интересные игры» под этот закон не подпадают.

– Понятно, – сказал Калёнов. – А вычислить разработчика программы можно?

– Этим занимается Роскомнадзор, центр исследований легитимности и политического протеста, экстремистские сайты блокируются, но возникают вновь сотнями, все не отследишь.

– Я задал конкретный вопрос.

Игорь Моисеевич пригорюнился.

– Наверно, можно, если этим заниматься всерьёз. Спецы Следственного комитета ведь обнаружили автора суицидального бота под ником D. Fallov.

Калёнов усмехнулся.

– Весьма говорящее имя, сродни среднему пальцу вверх. Этот парень явно презирает спецслужбы и людей вообще. Кто он?

– Житель Киева по имени Роман. Его вычислили, сайт заблокировали, но сам он на свободе и продолжает своё чёрное дело. И таких кураторов – десятки.

– А конкретно вычислить вот эту сволочь, что сбила с панталыку Ивана?

– Думаю, им уже заинтересовались.

– Вы снова не отвечаете прямо.

– Вычислить можно любого пользователя Сети, в том числе и разработчика программ. Наберите в гугл-поиске «50 дней до моего самоубийства», и попадёте на страницу сотни предложений «ВКонтакте» с заданиями кураторов пошагово идти к самоубийству.

– Но ведь такие задания надо пресекать в корне!

– В том-то и дело, что подаётся программа под предлогом невинной игры «синих китов» или «розовых слонов», «воспитывающих у детей мужество и решительность». Начинается она с задания с шифром типа квеста, потом предлагается нацарапать на ноге лезвием ножа «явигре», дальше тебе предлагают встать в четыре часа утра и выйти на крышу, сесть на краешек, свесив ноги вниз, и побороть свой страх. Следующий пункт – целый день смотреть страшные видео, пойти на рельсы погулять, порезать губу и так далее, и тому подобное. А заканчивается всё шагом с крыши высоты.

Калёнов покачал головой:

– Их надо... без суда и следствия... кураторов...

Игорь Моисеевич слабо улыбнулся.

– Для них это всего лишь бизнес, как говорится, ничего личного. Их мало интересует, кто и как использует их продукт. А вот над ними люди знают, ради чего всё это делается. Но тех вряд ли можно достать, их крышуют те же спецслужбы, у которых хватает специалистов нужной квалификации.

– Хакеров?

– Аналитиков, программистов, айтишников.

– Что ж, спасибо за беседу. – Калёнов пожал вялую руку психолога, вышел в коридор.

Из гостиной вышли Люся и Роман, и за их спинами Максим Олегович увидел Ивана, на лице которого была написана странная снисходительность. Не смущение, не выражение вины, не огорчение – снисходительность! Но в глазах худенького светлогоголового парнишки стояла такая вселенская печаль, что Калёнов вздрогнул как от удара. Захолонуло сердце.

Глаза их встретились...

И Максим Олегович принял решение **р а з о б р а т ь с я с п р о б л е м о й р е а л ь н о**.

Композиция 6 Яшутин

Деревня Митяево

Константин приехал к сестре, как и рассчитывал, к обеду.

Зина жила в собственном домике на окраине деревни, который язык не поворачивался назвать коттеджем. Это был небольшой дом советской архитектуры общей площадью восемьдесят квадратных метров, принадлежавший дедам Константина по отцовской линии, стоял он здесь уже больше сорока лет и выглядел соответственно, пусть не совсем дряхлым, но старым. Коричневая краска на его дощатых стенах кое-где облупилась и пошелушилась, были видны щели, крыша почернела, и Яшутин с раскаянием подумал, что мог бы навещать сестру с детьми почаще.

В деревне насчитывалось всего пять улиц, и проживали в ней не больше сорока человек, преимущественно старшего поколения – после пятидесяти-шестидесяти лет. Дед Зины Иван Фёдорович и бабушка Екатерина Леонидовна умерли в возрасте после восьмидесяти, и она осталась самой молодой жительницей деревни.

Константин навещал сестру в позапрошлом году и помнил окрестности деревни, её дороги и выход к реке: Митяево располагалось на правом берегу Протвы. От Минской трассы до деревни была проложена асфальтовая лента длиной одиннадцать километров, и доехал Яшутин до селения, почти не снижая скорости, подумав, что дорогу, наверно, сделал поселившийся здесь бизнесмен.

Деревня и вправду была окружена дачными кооперативами, поэтому её жители и подпитывались стараниями владельцев настоящих усадеб, иные из которых выглядели дворцами за высокими каменными или железными заборами.

Зину Константин нашёл на огороде; май в этом году сюрпризами погоды не беспокоил, было тепло, и все, у кого имелись огороды, вовсю сажали овощи и ухаживали за плодовыми деревьями. Зина тоже имела огород, причём приличный – более двенадцати соток, и успела посадить картофель, лук и морковь, а в теплице у неё уже поднялась рассада огурцов и помидоров.

Зина кинулась брату на грудь с плачем:

– Ой, Костик, приехал! Все глаза проглядела!

Яшутин прижал сестру к себе, ощутив, как она дрожит, погладил по спине.

– Успокойся, всё будет хорошо. Не думал застать тебя дома.

– Я только утром вернулась из Наро-Фоминска, добивалась встречи с начальником, к мэру ходила на приём.

Яшутин повёл сестру в дом.

– Ну и? Где дети?

– Дети в приюте, мне с ними не разрешили встречаться, и мэр сказал, мол, всё по закону, ждите решения суда о лишении родительских прав.

Они сели в горнице на диванчике.

Зина всегда была полненькой и смешливой, но Константин увидел перед собой исхудавшую постаревшую женщину с сединой в волосах, выглядевшую по крайней мере на пятнадцать лет старше своего возраста.

– Рассказывай.

– Что рассказывать? Главное я тебе рассказала. Соседи зарятся на мой участок, предлагали продать им половину, я не согласилась, мы ведь с огорода кормимся. Вот они и взбесились, пожаловались в опеку: дети неухожены, голодные, есть дома нечего, холодильник пустой, я за ними не слежу...

– Дальше.

– Приехала инспекция, когда меня не было дома, я же работаю по вечерам, уборщицей в соседней усадьбе, там богач поселился из Вереи.

– Дальше.

– Посмотрели дом, холодильник пустой, есть нечего, дети жалуются...

– Кто тебе сказал, что дети на тебя жалуются?

– Старший инспектор управления, кто приезжал. Да не верю я ему, не могли мои деточки на меня напраслину возвести. Тасик, старший, – умный мальчик, и девочки Тоня и Люба никогда не жаловались.

Константин кивнул.

– Этим подонкам из опеки невозможно что-либо доказать, они неплохо зарабатывают на изъятии детей.

– Ой, ты не представляешь! Пока я в очереди стояла на приём, такого наслушалась! У одной такой же одиночки, как я, Алевтиной зовут, двоих ребятишек забрали из-за того, что она давно в доме ремонт не делала! А у Сорокиной Маши из Мерчалово – за то, что в доме якобы нет мебели!

– Да ладно, – не поверил Константин.

– Истинный крест! – перекрестилась Зина.

– Подонки! Ладно, разберёмся. Кто вынес решение о лишении тебя детей?

– Не знаю, наверно, начальник...

– Начальник чего?

– Управления опеки по Наро-Фоминскому району. Но сначала приходили инспекторы.

– Почему они не позвонили родным? Отцу с матерью? Мне, в конце концов?

– Почём я знаю? Приехали и увезли! – Зина снова заплакала.

Яшутин набрал кружкой колодезной воды из ведра, подал сестре, успокаивающе погладил по волосам.

– Перестань реветь белугой, пей, я займусь этим делом. Где находится это нелюдское управление?

– В Наро-Фоминске, на улице Профсоюзной.

– Жди, выясню подробности и приеду. Да не реви, говорю, ещё не было случая, чтоб мы не добились правды.

Зина вытерла слёзы.

– Чайку попьёшь?

– Нет, в городе перекушу, ты к вечеру где будешь?

– Дома, отпросилась у Кутепова...

– У кого?

– Миллионер из Вереи, купил бывшую графскую усадьбу, я у него и работаю.

– Хорошо, перестань нюнить, не выходи зарёванная, пусть соседи видят, что нас не сломить. Это их белый дом слева, под красной крышей?

– Их, Жабринские они. Говорят, старший Жабринский в полиции работает, а его сынок владеет гаражом в Верее, постоянно гоняет на мотоциклах.

– Ладно, я с ними потом поговорю.

Константин оставил сестру дома, вышел на улицу, к машине.

У соседнего дома, почти скрытого высоким зелёным гофрированным забором, стоял роскошный спортбайк Honda CBR 600 и джип «Рэнджровер» с областными номерами, возле

которого возились двое крепких мужчин, доставая из багажника картонные коробки. Один из них – с рыжей бородкой и модной прострочкой волос на виске, образующей не то фамильный вензель, не то китайский иероглиф, остановился, глядя, как Яшутин садится в свою «трёшку» «БМВ» чёрного цвета. Он даже сделал движение в его сторону, словно хотел что-то сказать её владельцу, но Константин газанул и оставил соседей позади, подумав, что у него ещё будет время поговорить с ними по душам.

От Митяево до Наро-Фоминска было всего тридцать восемь километров, и он доехал до города за двадцать минут. Включил навигатор, которым почти не пользовался, нашёл дом номер 39А на Профсоюзной улице, припарковал машину напротив на полупустой стоянке.

Орган, призванный защищать права населения страны, назывался Управлением опеки и попечительства. Он занимал всё двухэтажное здание из белого кирпича и выглядел солидным учреждением, украшенный по всему фасаду коробками кондиционеров.

Константин решил начать знакомство с ним с оперативных подразделений и взял первый талончик на приём в отдел защиты прав неимущих слоёв населения. Ждать пришлось полчаса. Таких же, как он, озабоченных проблемами граждан, в основном стариков и женщин, оказалось больше десятка.

Вошёл в кабинет с двумя столами, за которыми сидели работники отдела, пожилой мужчина с толстой складчатой шеей и блёклыми глазами навывкате и молоденькая девчушка с модной причёской «под Кшесинскую». Яшутину достался мужчина.

Он сел на стул для посетителей, дожидаясь, пока инспектор отдела защиты прав закончит писать.

Прошла минута, за ней другая, толстошейный чиновник, – справа от него на столешнице Константин заметил визитку с фамилией Коняев, – продолжал писать, будто посетитель подсел не к его столу.

Лейтенант не выдержал:

– Господин Коняев, может, обратите внимание?

Инспектор мельком глянул на него, но писать не перестал.

Кровь бросилась Константину в лицо. Он наклонился вперёд и опустил ладонь на бумаги перед инспектором, прижав их к столу. Тот наконец остановился.

– Что вы себе позволяете, гражданин?

– Офицер Национальной гвардии Яшутин!

В пустых прозрачно-серых глазах Коняева мелькнуло нечто вроде у з н а в а н и я: слово «офицер» затронуло его мысленную сферу.

– По какому вопросу? – выдавил он.

Константин убрал руку.

– Вчера сотрудники вашего учреждения под надуманным предлогом забрали в деревне Митяево троих детей у гражданки Зинаиды Кириленко. Я бы хотел знать, кто это сделал, по чьему приказу и кто выдавал санкцию на изъятие детей.

– Это вопрос не ко мне.

– А к кому?

– Вам надо обратиться в отдел устройства детей, оставшихся без попечения родителей.

– То есть вы ничего о детях Зинаиды Кириленко не знаете?

– У нас столько клиентов, что всех не помнишь.

– Клиентов, – усмехнулся Константин, вставая. – Для вас мы всего лишь клиенты. Что ж, господин хороший, желаю, чтобы лично у вас клиентов не было вовсе.

Оставив озадаченного чиновника размышлять над смыслом сказанного, он взял талончик на приём в отдел устройства детей, дождался своей очереди и вошёл в другой кабинет, побольше, где за столами с плоскими компьютерными мониторами сидели четыре сотрудника отдела, три женщины и молодой парень. На сей раз Яшутину досталась женщина стро-

гого вида, в очках, одетая в чёрный костюм и белую блузку с белой розой, скрывающей плоскую грудь. У неё были узкие губы, блестящие кроваво-красной помадой, и неприязненный взгляд чёрных как маслины глаз.

Яшутин подсел к столу, коротко изложил причину своего появления.

– А вы ей кто? – осведомилась инспектор скрипучим голосом.

– Брат.

– А фамилия у вас другая.

– Она была замужем за гражданином Кириленко.

– И чего вы хотите?

– Ваш отдел занимался этим делом?

– Допустим, и что?

Горло сжалось, препятствуя Константину выговорить то, что он думал о работе органов опеки.

– Я задал конкретный вопрос.

– Да, наш, и у нас имеются все основания для принятия соответствующих мер.

– Все ваши основания – ложь! Моя сестра не нуждалась, хотя и жила небогато! Да, без мужа, да, трое детей, но зато свой огород и наша помощь! Вы же пришли как воры, а детей забрали в отсутствие матери!

– Наши сотрудники действовали по закону...

– По ложному доносу соседей! И я знаю причину доноса!

– Знаете – идите в суд.

Константин с трудом сдержал проклятие.

– Если потребуется, я дойду не только до суда. Кто из ваших сотрудников принимал участие в изъятии детей Зинаиды Кириленко?

– Это информация для служебного пользования...

Константин раздул ноздри, привстал, навис над столом так, что инспектор испуганно отшатнулась. Сотрудники отдела за соседними столами повернули к ним головы. В кабинете стало тихо.

– Я офицер Национальной гвардии России! – повторил свои слова Яшутин железным голосом. – Я хочу знать причины, по которым детей моей сестры забрали в приют, пользуясь её отсутствием, и не требую секретных сведений. Я хочу знать, кто вам дал право тайно изымать детей, кто выносил решение, кто не поленился съездить в деревню Митяево и лично участвовал в набеге! Вам понятны мои требования?

Инспектор поправила очки, облизнула губы, кинула косой взгляд на соседку за столом справа.

– Катерина, позови охрану...

Константин посмотрел на потянувшуюся к телефону женщину, качнул головой.

– Лучше помогите разобраться. Если потребуется, я сам вызову ОМОН. Кто из вас ездил в Митяево и забирал детей?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.